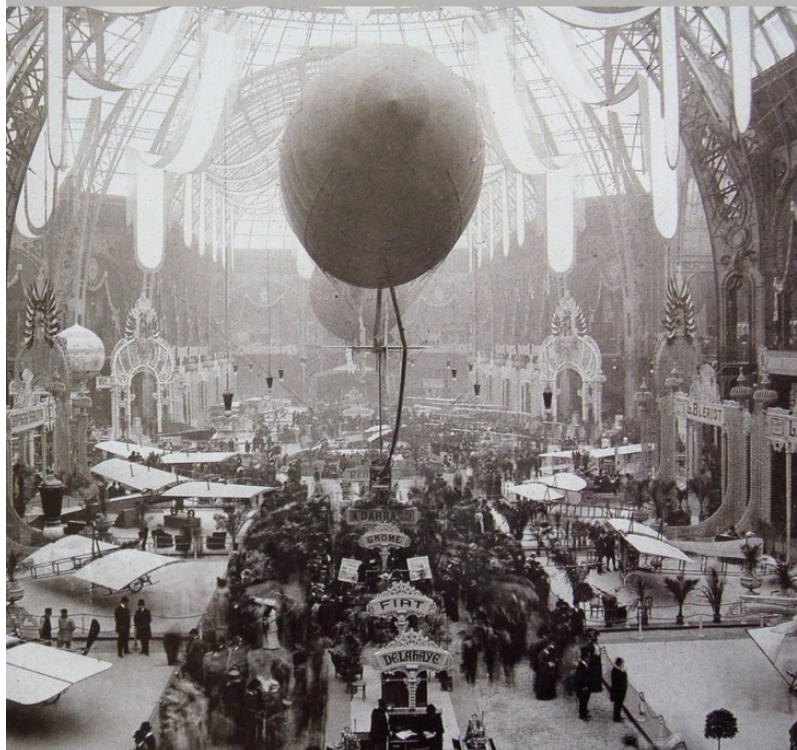

Омар Суфи

Власть и страсть

Книга первая

Омар Суфи

Власть и страсть. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54292663

ISBN 9785449870841

Аннотация

В Лондоне происходит убийство русского инженера-эмигранта Максима Королева. В ходе расследования столичный инспектор Эдмунд Свансон обнаруживает, что Королёв занимался исследованиями в области радиоактивных элементов и воздухоплавания. Нити ведут к тайной революционной группе во Франции и Австро-Венгрии. В раскрытие преступления вовлекаются также британские дипломаты, которые выходят на след предполагаемых немецких шпионов. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

93

Власть и страсть

Книга первая

Омар Суфи

Данная работа представляет собой произведение художественной литературы, и все имена, характеры персонажей и события – плод авторского воображения. Любое сходство с реальными людьми и событиями являются случайностью.

Корректор Анеля Ордуханова

© Омар Суфи, 2020

ISBN 978-5-4498-7084-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-7085-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ПЕРСОНАЖИ РОМАНА В ПОРЯДКЕ АЛФАВИТА
(по имени)

Адель Блох-Бауэр – дочь австрийского предпринимателя и мецената Фердинанд Блох-Бауэр.

Адольф Бранд – германский писатель и журналист, ре-

дактор гомосексуального немецкого издания «*Der Eigene*».

Адольф Гитлер – молодой венский художник.

Айнур – сестра Али Гасымбека.

Александр Парвус – известный русский революционер, проживающий в Берлине, теоретик и журналист, был в приятельских отношениях с Львом Троцким.

Александр Фуллер-Акланд-Худ – «кнут» Консервативной партии Британии.

Али Гасымбек – сын нефтепромышленника из Баку, член революционного движения Эмиля Рума, врач, проживающий в Вене, занимающийся также скупкой предметов изобразительного искусства.

Алиса Кеппель – любовница короля Британии Эдуард VII.

Андре Дешамп – член партии «Республиканская Федерация», приятель Роджера Кларка.

Анн Киней – участница движения суфражисток, напавшая на Артура Барроуза.

Анна Чампан – подруга Джона Берримора, личного секретаря Артура Барроуза.

Антон – «мсье Антон» – проститутка, участник «перформанса» в Берлине.

Артур Бальфур – бывший премьер-министр Британии, лидер оппозиционной Консервативной партии.

Артур Барроуз – член британского парламента от Консервативной партии, отец Реймонда Барроуза и дядя Родже-

ра Кларка.

Артур Конан Дойль – известный британский писатель, автор детективных романов о герое Шерлок Холмсе.

Бернгард фон Бюлов – канцлер Германии.

Вадим Войтехич – проживающий в Берлине инженер из России, который завербован в революционное движение Эмиля Рума.

Виктор Адлер – лидер австрийских социалистов

Виктор Конечны – торговец недвижимости, партнер Виктора Люстига в фирме по торговле недвижимостью «Башня», которая намеревается продать Эйфелеву башню.

Виктор Люстиг – граф, возглавляет фирму по торговле недвижимостью «Башня», которая намеревается продать Эйфелеву башню.

Генри Кемпбелл-Баннерман – премьер-министр Британии, глава правительства либералов.

Генри Раунд – ученый, знакомый Артура Конан Дойля, работающий на телеграфную компанию изобретателя радио Гульельмо Маркони.

Гертруда Шмидт – студентка Сорбонны и сотрудник лаборатории Марии Кюри, возлюбленная Роджера Кларка,

Герхард Шульц – председатель кружка «Защитников Африки».

Густав Климт – известный австрийский художник.

Джеффри Викс – сотрудник Британского Военного министерства.

Джон Берримор – личный секретарь Артура Барроуза.

Джон Покок – второй секретарь посольства Британии во Франции.

Дидье Жак – помощник бельгийский политика-социалиста, главы правительства Эмиля Вандервельда.

Дональд Рейд – главный инспектор отдела уголовного расследования полиции Лондона, непосредственный начальник инспектора Эдмунда Свансона.

Дуглас Рикет – кузен Реймонда Кларка, бизнесмен и автогонщик, из знатной английской семьи графства Рутланд.

Жан дю Тей – журналист французской газеты «Ле Матен», знакомый Роджера Кларка, помогающий ему в расследовании убийства Максима Королева.

Жан Перрен – французский ученый, знакомый Марии Кюри.

Жорж Лемер – близкий доверенный Эмиля Рума, участник его революционного движения, которого преследует французская полиция во главе с Люком Аршамбо.

Зигмунд Фрейд – известный австрийский врач-психиатр.

Золтан Борош – венгерский революционер, член движения Эмиля Рума.

Иосиф Джугашвили – русский революционер.

Карел Земан – чешский инженер, завербованный в революционное движение Эмиля Рума.

Карл Каутский – видный марксист, социал-демократи-

ческий политик.

Китти Марион – участница движения суфражисток, напавшая на Артура Барроуза.

Клайв Мердок – журналист, бежавший из Австралии из-за обвинений в шантаже тамошних политиков и ныне живущий в Берлине, участник «перфоманса» в Берлине.

Коллет – автор романов о молодой девушке по имени Клодин, танцовщица в кабаре «Мулен Руж».

Кристофер Ллойд —инженер воздухоплавательных средств, любитель паровых двигателей, работавший над проектом создания дирижабля нового типа, финансируемый Дугласом Рикетом. Ллойд впоследствии перешел работать на Эмиля Рума.

Куно фон Мольтке – адъютант кайзера (императора) Германии Вильгельма II.

Лев Троцкий (Бронштейн) – один из лидеров русского революционного движения.

Леопольд Второй – король Бельгии.

Лорен Доминик – приятель Андре Дешампа, советник министра юстиции Франции.

Люк Аршамбо – начальником отдела криминального расследования министерства внутренних дел Франции.

Максим Королев – русский инженер, бывший революционер, эмигрировавший из России в Британию и убитый в пьяной драке дома.

Марк Хадсон – владелец компании «Easy Fly», которая

намередается заняться воздушными перевозками

Марта Бетенфельд – проститутка, которую Реймонд Кларк встретил в борделе «Ле Шабанэ».

Матвей Скобелев – русский революционер, сын богатого мельника из Баку.

Матильда де Морни (или Мисси) – подруга и любовница Коллет.

Мэй, мадам – работница почты, которая предоставила важную информацию Эдмунду Свансону в расследовании убийства Максима Королева.

Нейл Фергюссон – историк, профессор из Оксфорда, участвовавший в заседании кружка «Защитников Африки».

Поль Ланжевен – французский ученый, знакомый Марии Кюри

Пратт, мадам – активистка кружка «Защитников Африки»

Редьярд Киплинг – известный британский писатель

Реймонд Барроуз – сотрудник министерство по делам колоний и сын Артура Барроуза.

Роджер Кейсмен – британский дипломат, разоблачивший массовые преступления против коренного населения Свободного Государства Конго, принадлежащее королю Бельгии Леопольду Второму.

Роджер Кларк — дипломат, сотрудник посольства Британии во Франции, племянник Артура Барроуза и кузен Реймонда Барроуза.

Сейнт-Клэр, мадам – проститутка, знакомая Лорена Доминика, участник «перфоманса» в Берлине.

Тейра Патрик – танцовщица, звезда кабаре «Мулен Ружа», знакомая Реймонда Барроуза.

Теодор (Федор) Ротштейн – русский эмигрант, журналист и активный членом Социал-демократической партии Британии.

Уинстон Черчилль – заместителем министра по делам колоний

Фату – служанка семьи Люка Аршамбо.

Фердинанд Блох-Бауэр – австрийский предприниматель и меценат, в доме которого Али Гасымбек встретился с Фрейдой Херцберг.

Филипп Эйленбург – немецкий политик и дипломат, близкий друг кайзера Вильгельма II, глава «Либенбергского кружка», который собирался в поместье князя Эйленбурга в Либенберге.

Франц Иосиф – император Австро-Венгерской империи.

Франц Фердинанд – кронпринц Австро-Венгерской империи.

Фредерик Терстан – медиум лондонского Клуба призраков, основанного в 1862 году.

Фрейда Херцберг – светская девушка, «венская социалите», подруга Али Гасымбека.

Френсиз Берти – посол Британии во Франции.

Фридрих фон Хольштейн – глава политического департамента в министерстве иностранных дел Германии, который противостоит группировки Эйленбург-Мольтке.

Шарль Дюпон – глава Второго бюро (разведки) министерства обороны Франции.

Эгон Шилле – молодой австрийский художник, которому покровительствует Густав Климт.

Эдвард Грей – министр иностранных дел либерального правительства Британии.

Эдмонд Бейли – директор магазина на улице Шоссе д'Антин 11, где расположен магазин-библиотека независимого искусства.

Эдмунд Свансон – инспектор отдела уголовного расследования Лондонской полиции, ведущий расследование убийства русского инженера Максима Королева.

Эдмунд Морель – британский журналист, участвовавший в разоблачении короля Бельгии Леопольда Второго в связи с массовыми убийствами коренного населения Свободного Государства Конго.

Эдуард VII – король Британии.

Эмилия Флэгге – пассия Густава Климта, владелица салона моды «Сёстры Флёге».

Эмиль Рум – магнат, филантроп, глава революционного движения, базирующегося во Франции.

Ян Копечек – чешский революционер, участник движения Эмиля Рума.

ПЕРСОНАЖИ РОМАНА В ПОРЯДКЕ АЛФАВИТА *(по фамилии)*

Адлер, Виктор – лидер австрийских социалистов

Айнур – сестра Али Гасымбека.

Антон – «мсье Антон» – проститутка, участник «перфоманса» в Берлине.

Аршамбо, Люк – начальником отдела криминального расследования министерства внутренних дел Франции.

Бальфур, Артур – бывший премьер-министр Британии, лидер оппозиционной Консервативной партии.

Барроуз, Артур – член британского парламента от Консервативной партии, отец Реймонда Барроуза и дядя Роджера Кларка.

Барроуз, Реймонд – сотрудник министерство по делам колоний и сын Артура Барроуза.

Бейли, Эдмонд – директор магазина на улице Шоссе д'Антин 11, где расположен магазин-библиотека независимого искусства.

Берримор, Джон – личный секретарь Артура Барроуза

Берти, Френсиз – посол Британии во Франции.

Бетенфельд, Марта – проститутка, которую Реймонд Кларк встретил в борделе «Ле Шабанэ».

Блох-Бауэр, Адель — дочь австрийского предпринимателя и мецената Фердинанд Блох-Бауэр.

Блох-Бауэр, Фердинанд – австрийский предприниматель и меценат, в доме которого Али Гасымбек встретился с Фрейдой Херцберг.

Борош, Золтан – венгерский революционер, член движения Эмиля Рума.

Бранд, Адольф – германский писатель и журналист, редактор гомосексуального немецкого издания «*Der Eigene*».

Бюлов фон, Бернгард – канцлер Германии.

Викс, Джеффри – сотрудник Британского Военного министерства.

Войтехич, Вадим – проживающий в Берлине инженер из России, который завербован в революционное движение Эмиля Рума.

Гасымбек, Али – сын нефтепромышленника из Баку, член революционного движения Эмиля Рума, врач, проживающий в Вене, занимающийся также скупкой предметов изобразительного искусства.

Гитлер, Адольф – молодой венский художник.

Грей, Эдвард – министр иностранных дел либерального правительства Британии.

де Морни, Матильда (или Мисси) – подруга и любовница Коллет.

Дешамп, Андре – член партии «Республиканская Федерация», приятель Роджера Кларка.

Джугашвили, Иосиф – русский революционер.

Доминик, Лорен – приятель Андре Дешампа, советник

министра юстиции Франции.

Дюпон, Шарль – глава Второго бюро (разведки) министерства обороны Франции.

дю Тей, Жан – журналист французской газеты «Ле Матен», знакомый Роджера Кларка, помогающий ему в расследовании убийства Максима Королева.

Жак, Дидье – помощник бельгийский политика-социалиста, главы правительства Эмиля Вандервельда.

Земан, Карел – чешский инженер, завербованный в революционное движение Эмиля Рума.

Каутский, Карл – видный марксист, социал-демократический политик.

Кейсмен, Роджер – британский дипломат, разоблачивший массовые преступления против коренного населения Свободного Государства Конго, принадлежащее королю Бельгии Леопольду Второму.

Кемпбелл-Баннерман, Генри – премьер-министр Британии, глава правительство либералов.

Кеппель, Алиса – любовница короля Британии Эдуард VII.

Киней, Анн – участница движения суфражисток, напавшая на Артура Барроуза.

Киплинг, Редьярд – известный британский писатель.

Кларк, Роджер — дипломат, сотрудник посольства Британии во Франции, племянник Артура Барроуза и кузен Реймонда Барроуза.

Климт, Густав – известный австрийский художник.

Конечны, Виктор – торговец недвижимости, партнер Виктора Люстига в фирме по торговле недвижимостью «Башня», которая намеревается продать Эйфелеву башню.

Коллет – автор романов о молодой девушке по имени Клодин, танцовщица в кабаре «Мулен Руж».

Конан Дойль, Артур – известный британский писатель, автор детективных романов о герое Шерлок Холмсе.

Копечек, Ян – чешский революционер, участник движения Эмиля Рума.

Королев, Максим – русский инженер, бывший революционер, эмигрировавший из России в Британию и убитый в пьяной драке дома.

Ланжевен, Поль – французский ученый, знакомый Марии Кюри

Лемер, Жорж – близкий доверенный Эмиля Рума, участник его революционного движения, которого преследует французская полиция во главе с Люком Аршамбо.

Леопольд Второй – король Бельгии.

Ллойд, Кристофер – инженер воздухоплавательных средств, любитель паровых двигателей, работавший над проектом создания дирижабля нового типа, финансируемый Дугласом Рикетом. Ллойд впоследствии перешел работать на Эмиля Рума.

Люстиг, Виктор – граф, возглавляет фирму по торговле недвижимостью «Башня», которая намеревается продать Эй-

фелеву башню.

Марион, Китти – участница движения суфражисток, напавшая на Артура Барроуза.

Мердок, Клайв – журналист, бежавший из Австралии из-за обвинений в шантаже тамошних политиков и ныне живущий в Берлине, участник «перфоманса» в Берлине.

Мольтке, Куно фон – адъютант кайзера (императора) Германии Вильгельма II.

Морель, Эдмунд – британский журналист, участвовавший в разоблачении короля Бельгии Леопольда Второго в связи с массовыми убийствами коренного населения Свободного Государства Конго.

Мэй, мадам – работница почты, которая предоставила важную информацию Эдмунду Свансону в расследовании убийства Максима Королева.

Раунд, Генри – ученый, знакомый Артура Конан Дойля, работающий на телеграфную компанию изобретателя радио Гульельмо Маркони.

Парвус, Александр – известный русский революционер, проживающий в Берлине, теоретик и журналист, был в приятельских отношениях с Львом Троцким.

Патрик, Тейра – танцовщица, звезда кабаре «Мулен Ружа», знакомая Реймонда Барроуза.

Перрен, Жан – французский ученый, знакомый Марии Кюри.

Покок, Джон – второй секретарь посольства Британии

во Франции.

Пратт, мадам – активистка кружка «Защитников Африки»

Рейд, Дональд – главный инспектор отдела уголовного расследования полиции Лондона, непосредственный начальник инспектора Эдмунда Свансона.

Рикет, Дуглас – кузен Реймонда Кларка, бизнесмен и автогонщик, из знатной английской семьи графства Рутланд.

Ротштейн, Теодор (Федор) – русский эмигрант, журналист и активный членом Социал-демократической партии Британии.

Рум, Эмиль – магнат, филантроп, глава революционного движения, базирующегося во Франции.

Свансон, Эдмунд – инспектор отдела уголовного расследования Лондонской полиции, ведущий расследования убийства русского инженера Максима Королева.

Сейнт-Клэр, мадам – проститутка, знакомая Лорена Доминика, участник «перфоманса» в Берлине.

Скобелев, Матвей – русский революционер, сын богатого мельника из Баку.

Терстан, Фредерик – медиум лондонского Клуба призраков, основанного в 1862 году.

Троцкий, Лев – один из лидеров русского революционного движения.

Фату – служанка семьи Люка Аршамбо.

Фергюссон, Нейл – историк, профессор из Оксфорда,

участвовавший в заседании кружка «Защитников Африки».

Флэгге, Эмилия – пассия Густава Климта, владелица салона моды «Сёстры Флёге».

Франц Иосиф – император Австро-Венгерской империи.

Франц Фердинанд – кронпринц Австро-Венгерской империи.

Фрейд, Зигмунд – известный австрийский врач-психиатр.

Фуллер-Аккланд-Худ, Александр – «кнут» Консервативной партии Британии.

Хадсон, Марк – владелец компании «Easy Fly», которая намеревается заняться воздушными перевозками.

Херцберг, Фрейда – светская девушка, «венская сосиалите», подруга Али Гасымбека.

Хольштейн, Фридрих фон – глава политического департамента в министерстве иностранных дел Германии, который противостоит группировки Эйленбург-Мольтке.

Чампан, Анна – подруга Джона Берримора, личного секретаря Артура Барроуза.

Черчилль, Уинстон – заместителем министра по делам колоний.

Шилле, Эгон – молодой австрийский художник, которому покровительствует Густав Климт.

Шмидт, Гертруда – студентка Сорбонны и сотрудник лаборатории Марии Кюри, возлюбленная Роджера Кларка.

Шульц, Герхард – председатель кружка «Защитников Африки».

Эдуард VII – король Британии.

Эйленбург, Филипп – немецкий политик и дипломат, близкий друг кайзера Вильгельма II, глава «Либенбергского кружка», который собирался в поместье князя Эйленбурга в Либенберге.

Лондон, 1907

Столичный детектив Эдмунд Свансон из отделения уголовного писал рапорт начальству о, казалось бы, обычном убийстве – или, как говорят, «бытовухе», как вдруг острая мысль пронзила его голову. Дело шло о насильственной смерти инженера из России Максима Королева, сорока пяти лет, уже год проживающего в Лондоне. Несмотря на хорошее образование и работу на заводе Крупса в России, Максим Королев приехал в Англию в довольно трудном финансовом положении в силу того, что пять лет назад примкнул к революционерам. В 1905 году он был арестован и провел год в тюрьме, отделавшись легким испугом, – многих его единомышленников-революционеров отправили в Сибирь. Жил он в Лондоне в одном из бедных районов Ист-Энда, и было не совсем понятно, чем занимался. Соседи говорили, что он был очень нервный последние месяцы, но что касается убийства, здесь вроде все было просто. Один из соседей, тоже русский, напившись, ворвался к инженеру за деньгами и зарезал его в ходе ссоры и драки. Полиция его поймала, и он

признался, что это он убил Королева, хотя пытался доказать, что он оборонялся – и это инженер хотел у него отнять деньги. В это было трудно поверить – убийца жил еще беднее, чем инженер, и мыл посуду в питейном заведении напротив здания, где они проживали.

Но что же было не так? В комнате у Королева были книжные полки – они были пусты. А судя по пыли на полках – характерные линии между книгами – там они когда-то стояли! А потом исчезли... Трудно поверить, что убийца позарился на книги. Их, конечно, можно было продать, и лишний пенс не помешал бы пьянице купить немного алкоголя. А может сам Корольев кому-то отдал их незадолго до смерти? Но в деятельности инспектора интуиция всегда играет большую роль, и Эдмунд Свансон всегда полагался на шестое чувство. Пустые полки у него стояли перед глазами.

После того, как он представил рапорт начальству, он заглянул к главному инспектору Дональду Райду, но получил следующий ответ:

– Увлекаетесь, дорогой друг, «Шерлок Холмсом»! Пьяная драка в Ист-Энде, да еще между русскими!

– Насчет «Шерлок Холмса»... Так его автор нам в прошлом помогал расследованию...

Дональд Райд пожал плечами:

– Было такое... Я не думаю, что это из тех случаев...

Эдмунд Свансон ссылался на автора «Шерлока Холмса» Артура Конан Дойла, который действительно пару раз по-

мог Скотланд-Ярду в криминальных расследованиях. Так, писатель указывал, что известный и не пойманный Джек Потрошитель, скорее всего, был образованный человек и путешествовал по Америке. Более результативным было участие Конан Дойла в оправдании некоего Джорджа Эдалжи, который был обвинен в нападении и порче домашнего скота.

Эдмунд, припомнив эти и другие случаи, решил встретиться с Артуром Конан Дойлом, с которым был в достаточно приятельских отношениях. Ему, в отличие от персонажа книг о Шерлок Холмсе инспектора Лейстера из Скотланд-Ярда, было всегда интересно послушать мнение автора детективных романов.

Мастер детективов и инспектор посещали известный в Лондоне клуб «Афиниум», который был основан еще в 1824 году секретарем Адмиралтейства сэром Джоном Крокером для интеллектуалов и служителей искусства. Эдмунд Свансон попал туда по протекции Конан Дойла и имел возможность встретить многих ученых и писателей, таких, как Редьярд Киплинг.

Когда они встретились в клубе, Конан Дойл первым обратился к нему с просьбой:

– Ты знаешь, я сейчас вплотную занимаюсь положением дел в Конго... Там происходят ужасающие вещи... Ты мне говорил, что у тебя хороший приятель в Министерстве по делам колоний. Я хочу добыть кое-какую информацию...

– У тебя хорошая репутация в Министерстве по делам ко-

лоний. Ты же защищал наше дело в англо-бурской войне.

– Информация мне нужна не только по Конго, поэтому я хочу сделать это неофициально.

– Окей, могу предложить помощь. У меня работает там приятель. Его зовут Реймонд Барроуз. Извини, я не очень сведущ в делах международной политики, а что происходит в Конго?

– Там происходят... преступления! Только в большом масштабе, и совершает их королевская особа – король Бельгии Леопольд Второй... Мелкие правонарушения называются уголовными преступлениями. А вот когда их совершают много, и, в особенности государство или монарх, – то это политика.

– К твоим мудрым словам мне нечего добавить.

– Мне нужна будет помощь по этому вопросу, но мне кажется, у тебя тоже ко мне дело... Давай, что там у тебя?

– Мне попался интересный случай... Вернее, на взгляд, он вполне банальный. Пьяная драка между двумя русскими иммигрантами в Ист-Энде. Один – инженер, другой – работник паба... Так вот, работник паба убивает инженера и забирает деньги... Все чисто. Таких случаев в нашем Лондоне, к сожалению, происходит сотнями, в особенности в бедных кварталах. А мне не дает покоя маленькая деталь! У инженера исчезли книги! Убийца их не забирал... А то, что книги были на полках, я понял, увидев характерную пыль. Знаешь, когда книги не трогаешь определенное время, между

ними накапливается пыль. Очевидно, что пару книг инженер долго не трогал, и между ними была небольшая брешь, где и осталась пыль.

– Замечательно! Я имею в виду ты хорошо это подметил... Только вот... – Конан Дойл остановился на секунду и потом сказал. – Я хотел было сказать, что эта твоя «маленькая деталь» может и ничего не значить. Однако поспешу себя опровергнуть – мой Шерлок Холмс всегда цеплялся именно за эти маленькие детали... Есть какие-то бумаги, переписка?

– В том и дело, что ничего нет!

– А чем занимался инженер? Где-то работал?

– Ничего не знаем! Никаких следов его деятельности.

– Так на что он жил? Надо выяснить, куда он ходил и, вообще, чем занимался. Даже в бедном районе надо что-то кушать и платить за аренду.

– Вот-вот! Мой шеф хочет закрыть это дело...

– Вряд ли моя протекция в данном случае поможет, так как в Скотланд-Ярде не всегда приветствуют мое вмешательство. Но я напишу господину Райду...

Конан Дойл улыбнулся и добавил:

– Скажу, что это дело меня заинтересовало... И услышал его не от тебя, а, к примеру, из газет.

– Да, были небольшие заметки в криминальных хрониках.

– Вот и прекрасно!

Париж

В красивом престижном ресторане «Фойот» недалеко

от Люксембургского сада сидели трое английских джентльменов. Самым старшим в компании был Артур Барроуз, член британского парламента от Консервативной партии и бывший военный министр. Рядом сидели его сын Реймонд и племянник Роджер Кларк. Последний вырос в доме у Артура – с двенадцати лет он находился на попечении Барроуза-старшего после того, как скончался отец, а потом и его мать – сестра Артура. Так что сэр Артур Барроуз всегда обращался к ним «мои мальчишки». Роджер Кларк работал дипломатом в Британском посольстве в Париже, а Реймонд был в командировке, представляя Министерство по делам колоний на переговорах с французскими коллегами.

Роджер и Реймонд были вовлечены в переговоры по расширению англо-французского союза с целью включения России в альянс, который стал известным как Антанта. Этим переговорам предшествовали франко-английские, завершившиеся так называемым «Сердечным соглашением» – *Entente cordiale*, и вопрос колоний обеих империй был ключевым в них. Лондон и Париж разделили сферы влияния в Африке. Укрепление союза между Британией и Францией проходило на фоне формирования Тройственного союза между Германией, Австро-Венгрией и Италией. Привлечение в Антанту России помогло бы сбалансировать силы против растущей угрозы со стороны Тройственного союза, в особенности Германии. Последняя когда-то имела вполне дружественные связи с Россией, но интересы Санкт-Петер-

бурга столкнулись с интересами Вены на Балканах. Так как Германия поддерживала Австро-Венгрию, русский император все больше благоволил к союзу с Британией, в особенности после того, как с Францией уже был заключен союзнический договор. А это, в свою очередь, подстегнуло подозрения германского кайзера Вильгельма Второго о заговоре против Берлина со стороны трех империй – Британии, Франции и России. В этой атмосфере недоверия и растущей напряженности развернулась война между Россией и Японией, и азиатская страна одержала верх, что еще больше побудило Санкт-Петербург искать поддержки на Западе.

Артур Барроуз принимал активное участие в политических обсуждениях по укреплению безопасности Британской империи, пока у власти находилось Консервативное правительство. Теперь же, когда Британией руководило правительство, возглавляемое Либеральной партией, он наблюдал за всем происходящим с позиции оппозиционера, но, тем не менее, пользовался авторитетом по международным вопросам в парламенте.

– Мои мальчики, – говорил Артур Барроуз, – дела у нас у всех впереди грандиозные и, вместе с тем, сложные. Я не знаю, что думает на сегодняшний день Либеральное правительство. Надеюсь, что все эти разговоры о «народном бюджете», пенсиях и прочее не сломают нашу экономику. Это как раз в тот момент, когда нам в спину дышит Германия.

Артур Барроуз был горд как своим участием во внешне-политических переговорах, так и вкладом своих отпрысков – Реймонда, как представителя ключевого министерства колоний, и Роджера, как дипломата. Последний в своих политических взглядах все больше предпочитал либерализм, но дяде он особенно это не выражал. По крайней мере, делал это робко.

– Вы говорите о Германии. А там давно введена всеобщая пенсия...

Артур не обратил внимания на эту реплику и продолжал:
– Задумайтесь только, какие у нас задачи! Мы должны стоять на страже нашей великой империи. Наступает интересная эпоха – все эти изобретения... весь этот прогресс бросают вызовы нашему сознанию. Человечество развивается, и Британская империя – является двигателем этого прогресса. Сейчас нам принесут еду – в этом ресторане подают мясо из Австралии, кофе – из Бразилии, а чай из Индии.

– Дорогой дядя, но именно Консервативное правительство противилось свободной торговле – и, как результат, проиграло выборы в прошлом году. Можно ли говорить о свободном передвижении товаров, но только в рамках одной империи? Чем больше товаров, тем дешевле цена – таков закон экономики. От этого только будет лучше бедным, а значит, и недовольных будет меньше.

– Дорогой мой, я хорошо знаю платформу либералов. И как понимать, когда либералы ратуют за свободную тор-

говлю, но против свободного передвижения людей? Я имею в виду всю эту истерию насчет «желтой угрозы» перед выборами. Антимигрантские настроения раздувал, заметьте, либеральный «Гардиан». И вообще, хочу отметить, что либеральная или, точнее сказать, так называемая либеральная пресса может быть даже более нетерпимой и «нелиберальной», чем консервативная, и распространять «фейковые» новости.

Артур Барроуз ссылаясь на проблему китайских рабочих, которых Британия, после победы на бурами-голландцами в Южной Африке, привезла для работы на золотых приисках и для добычи угля. Либералы окрестили эту практику современной работоторговлей и, более того, стали пугать британских избирателей угрозой наплыва дешевой рабочей силы из Китая. Часть прессы писала о кандалах и избивании плетьюми китайцев, что оказалось преувеличением, хотя условия жизни у них были плачевные.

– Это не Ллойд-Джордж глагольствовал о тысячах китайцев на холмах Уэльса?! А сейчас у него отбило память, и он говорит, что такого не говорил! Наглый лжец! Глядишь, скоро станет премьер-министром. Лжецам в политике, да и по жизни легко...

Несколько успокоившись, он продолжил:

– Вот Индия меня всегда беспокоит. Ее мы должны беречь. Глобализация... наша империя способствовала передвижению людей... и идей. А вот с этим не всегда все ладно.

С тем, что расстояния стали доступны, есть и проблемы.

Подошедший официант поднес аперитив. Ему было приказано нести еду только после того, когда к ним присоединится еще один гость.

Артур Барроуз неожиданно сменил тему:

– Роджер, ты не хочешь перестать быть холостяком? Мы в твоём возрасте уже все обзавелись семьей и детьми.

– Теперь в Париже он не скоро об этом будет думать, – усмехнулся Реймонд.

– Париж... – задумался Барроуз-старший. – Почему нет? Именно здесь, в Париже. С Францией – мы друзья. Хотя, мой мальчик, я надеюсь, что твоей спутницей будет какая-нибудь утонченная английская леди. И, кстати, мой хороший друг лорд Луис МакКенна прибывает со своей семьей погостить в городе света (последнее выражение он произнес на французском – *la ville lumiere*). У него прекрасная дочь.

Реймонд бросил короткий взгляд на отца, а потом поглядел внимательно на кузена.

– Я думаю, отец...

– Мы все женились по рекомендации наших старших, – продолжал Артур Барроуз. – «Рекомендации» – я подчеркиваю, а не приказов. Я знаю, что современная молодежь мыслит по-другому и хочет абсолютной свободы во всем. Так вот, рекомендация – это вполне демократичная форма... как это сказать... содействия... Роджер, тебе уже тридцать. В этом возрасте все мы уже обзавелись семьями. У тебя пре-

красная работа и, надеюсь, что ждет блестящая карьера. Ты – сын моей сестры, и мне твоя судьба не безразлична.

– Я всегда ценю ваши рекомендации, – сказал Роджер.

Барроуз-старший одобрительно кивнул головой.

– Надо полагать, в парламенте будут скоро слушания по поводу военно-морского флота Германии? – спросил Роджер, желая сменить тему.

Лицо Артура омрачилось:

– Этот Кайзер Вильгельм... родственник наш так называемый¹... И его ужасный генерал Альфред фон Тирпитц. Это вот еще одна серьезная головная боль для Британии. Всем нам надо серьезно подумать над тем, как не допустить появления в лице Германии угрозы нашему доминированию в море. Да и у французского премьера Жоржа Клемансо будет болеть голова от вопроса о флоте...

После паузы Артур спросил:

– Ваш друг... этот француз, который должен к нам присоединиться...

– Андре Дешамп, – ответил Роджер.

– Я надеюсь, он понимает всю тяжесть проблемы флота...

– Я не скажу, что он большой специалист в военных вопросах, но он горячий сторонник нашего альянса...

– И нам придется говорить на французском? – недовольно

¹ Король Британии Эдуарду VII приходился дядей императору (кайзеру) Германии Вильгельму II. Их общий предок – королева Британии Виктория (1819—1901). Русский император Николай II, будущий король Британии Георг V и кайзер Вильгельм II были родственниками.

спросил Артур Барроуз.

– C'est la vie²...

– Ничего... когда-нибудь английский будет главенствующим языком... Так вот, нам надо мобилизовать побольше сторонников наращивания нашего военного потенциала, нашего альянса. Помяните мое слово – страна, которая начинает бряцать оружием – она это просто так не делает. Германия! А при Бисмарке все было хорошо, хотя может все и началось с его объединения. Наверно, мы проморгали это в самом начале. – И Артур опять вернулся к внутривнутриполитическим вопросам:

– Кто-то может подумать, что я – консерватор, просто так критикую либералов... только ради оппозиции. Поверьте мне, мои мальчики, и особенно ты, Роджер, мой дорогой мечтатель-либерал. Думаешь, я не чувствую тебя... Так вот, социальная программа или какие-то другие вопросы, пускай острые и злободневные – все второстепенно перед лицом внешней угрозы.

– Однако у нас внутри немало тех, кто ратует за иную внешнюю политику. Дело тут не только в либералах. На днях много шуму наделал Найджелл Фарадж со своей речью о *блестящей изоляции*. Я так понимаю, среди ваших коллег в Консервативной партии, есть немало сторонников этой политики.

Лицо Артура Барроуза опять сделалось недовольным.

² Такова жизнь (французский)

– К сожалению, такие есть... Скорее, это по инерции. Видишь ли, мой мальчик, у нас все было хорошо с нашей изоляцией, а потом и с Бисмарком, пока этот взбалмошный кайзер не вступил на трон и не начал эту ужасную гонку вооружений. Что мне вам об этом говорить, когда вы сами все прекрасно знаете. А Фарадж... Да, он из наших, из консерваторов... Патриот, но... но... Судьба Британии не в национализме, а в величии, в ее просторах, в ее способности привлечь на свою сторону миллионы людей. Наша модель управления – самая эффективная... Да-да. Я не слепой патриот... история сама рассудит. Посудите сами – мы в двадцатом веке... Не может один человек управлять всей страной в наш технологический век. Наши парламентские традиции, я думаю, и стоят за нашим успехом. В Германии, к примеру, нет противовеса взбалмошным желаниям кайзера. Отсюда и проблемы.

В это время подошел четвертый гость – Андре Дешамп, представитель партии во французском парламенте «Республиканская Федерация». Он был великолепно одет, пострижен, с элегантными длинными усами и несколько подчеркнуто медленными манерами. Тройка англичан перешла на французский. После формальных приветствий Роджер представил более подробно француза своему дяде:

– Господин Дешамп оказывает нам серьезную поддержку в комитете по иностранным делам. Я вам говорил о его роли при обсуждении нашего альянса.

– Всегда приятно иметь дело с людьми, имеющими схожие взгляды.

Дешамп слегка улыбнулся:

– Я думаю, дорогие гости, нам необходимо создать общеевропейский правый альянс...

Артур Барроуз несколько растерялся. У него были другие планы – обсудить внешнеполитические проблемы, в частности, вопрос военного союза и флота для противостояния растущей силе Германии.

– Идея интересная, но, боюсь, не располагаю возможностью от имени моей партии обсуждать данный вопрос.

– Гм... А вопрос срочный. Левые силы объединяются против нас. Они говорят о необходимости защитить рабочий класс от набора в армии так называемых буржуазных правительств. Вам, надеюсь, известны эти настроения... И этот пацифизм...

– Да... но... Нам, может, стоит поэтапно решать вопросы.

– Франция в беде! У меня нет времени, да и оптимизма...

Мы только пережили этот ужасный закон об отделении религии... Франция – это католическое государство! Я понимаю, вы этого не разделяете. Куда мы катимся?! Это дело Дрейфуса³.... Я, конечно, как бы... против евреев не имею

³ Французский офицер еврейского происхождения Альфред Дрейфус был обвинен в шпионаже в пользу Германии в 1894 году, но позже помилован, а в 1906 году полностью оправдан. Дело Дрейфуса разделило Францию на два лагеря и повлекло за собой многочисленные дебаты о патриотизме и антисемитизме.

ничего против, в принципе... если они, конечно...

Дешамп пытался вызвать какие-то сочувствующие слова у собеседников, но они молчали.

– Вчера вышли две статьи о Франции... моей Франции, которая исчезает... Жак Бертийон на основе статистических данных утверждает о нашей умирающей нации. Рене Гоннард – о нашей смертельной болезни – духовной деградации. А была еще одна статья этой прекрасной Мари Ли Пен. Я не знаю, какую конкретную роль тут играют евреи или арабы – а они ее играют! Мы вступили в двадцатый век импотентами!

– Мне, кажется, внутреннее положение Франции не так драматично, как может показаться... прессе, – попытался как-то начать диалог Барроуз. – Гораздо острее стоит вопрос Германии, и особенно для вас. Я не хотел бы вызывать болезненные воспоминания тридцатилетней давности... Вопрос Германии не исчез, а стал еще более актуален.

– Знаете, все приезжают в Париж и восхищаются, – сказал Дешамп, продолжая свою тему. – Город света, эти театры, кабаре, омнибусы... асфальт даже... Мне кажется, весь этот прогресс уничтожит нашу цивилизацию...

– Что-то подобное писал, кажется, Ювал Харари недавно...

– Ах, этот тоже еврей!

– Дорогой друг, – уже несколько нервно сказал Барроуз. – Мы должны подумать о конкретных шагах. Проблем много.

Мой подход к этому делу состоит из осуществления маленьких практических шагов. Вот эти два моих отпрыска работали день и ночь над важными документами по формированию альянса против Германии...

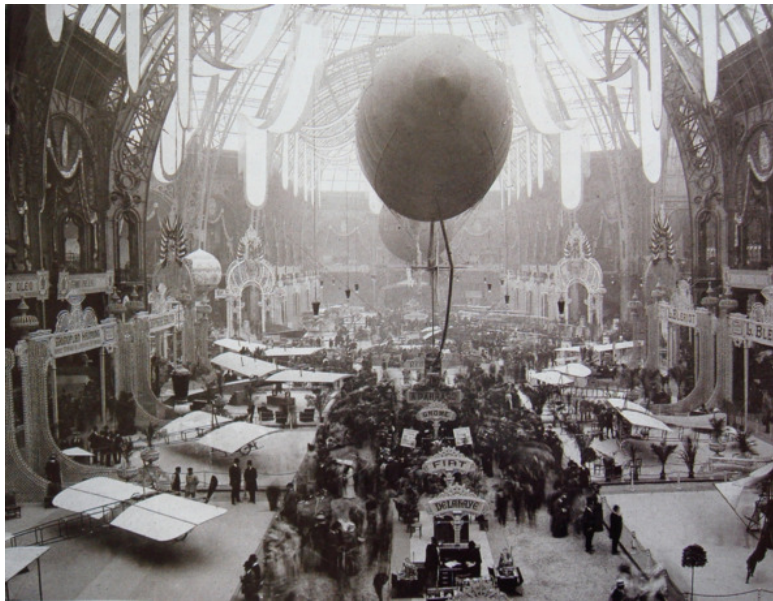
— Я в вашем распоряжении, сэр, — уже несколько спокойно ответил Дешамп.

— Вот и хорошо. Теперь перейдем к конкретному обсуждению...

* * *

На следующий день, проводив Артура Барроуза с Северного вокзала на поезд Париж-Булонь, откуда пассажиры пароходом добирались до Лондона, Роджер и Реймонд на фиакре поехали на выставку в Большой Дворец. Открывшееся шоу воздушных средств передвижения поражало воображение простых обывателей. Однако для Роджера и Реймонда данная поездка не была развлечением — им предстояли важные встречи.

У входа их ждал коллега из Британского военного министерства Джеффри Викс. Сам Дворец, который был построен в довольно короткие сроки между 1897 и 1900 годами, впечатлил Роджера, который посещал его впервые. А находящиеся там летательные средства, в том числе дирижабль, — сразили наповал.

«Это будущее!» – восклицал Роджер. Джеффри Викс наблюдал всяческого рода воздушных аппаратов и снисходительно улыбнулся.

– Будущее не только в средстве передвижения по воздуху, но и в возможности его военного применения. А самое главное – Британия уже более не является островом. Вот об этом нам стоит всем подумать...

– Вы говорите прямо, как мой отец.

– Сэр Барроуз – дальновидный человек.

Они остановились у французского самолета Блериот-9.

Рядом с ним стоял странного вида тип, который внимательно разглядывал летательное средство.

– Давайте я познакомлю вас с моим хорошим другом, инженером Кристофером Ллойдом.

Инженер кивнул в сторону Роджера и Реймонда, не показывая особого желания знакомиться близко.

– Ерунда, приятель, – обратился он к Джеффри. – Пар, только пар! Вот на чем можно будет летать... Видишь все эти монгольфье – они надежны, правда, нуждаются в подпитке. А вот и дирижабль – тоже многообещающая штука. А вот все эти моторчики... Не верю! Ну, братья Райт на своем драндулете поднялись в воздух кое-как, так все после них и помешались на монопланах и бипланах с моторчиками.

– А тем временем, мой дорогой друг, Луис Блериот наметился перелететь через Ла-Манш вот на этом драндулете, как вы его окрестили.

Глаза у Кристофера Ллойда вспыхнули и округлились. Он потряс свою белую шевелюру и выпалил:

– Я создам вам воздушный флот! Если не хотите, мне есть, кому предложить...

– Ладно, приятель, не горячитесь. Я просто делюсь с вами информацией...

Ллойд отошел разглядывать дальше, а трое британских служащих последовали вглубь дворца.

– Этот чудаков очень важен. У него гениальный ум. Правда, к сожалению, он помешан на стим-панке...

– Это еще что? – спросил Роджер.

– Он считает, что будущее за паровым двигателем. Его нельзя упускать... Вы видели, что он намекнул... «Мне есть, кому предложить»...

– Германии, очевидно... Этот Ллойд – американец?

– Да... Друзья, нам предстоит очень серьезная работа в этом направлении.

Англичане остановились у стойки компании «Easy Fly» и Джеффри Викс представил своих знакомых высокому мужчине Марку Хадсону. Последний сразу перешел к главной теме:

– Моя компания создана группой инженеров, и у нас самые амбициозные намерения. Мы хотим организовать массовые воздушные пассажирские перевозки между европейским и американским континентами. На первом этапе мы хотим организовать перевозки около ста пассажиров за раз.

Реймонд присвистнул:

– Тут пока речь идет о двух-трех пассажирах, а вы уже думаете о коммерческих перевозках.

– Именно... У нас есть технологии. Мы собираемся объединить технологию дирижабля и моторных аппаратов. Вы здесь можете увидеть некоторые образцы дирижаблей. Но мы говорим о качественно новых подходах и технологиях. Мы считаем...

– А нельзя ли поконкретнее – кто «мы»? – спросил Реймонд.

– Пока мы хотим оставаться закрытой группой... Речь идет о группе людей из различных государств. Но я, как англичанин... понимаете... хотел бы, чтобы эти технологии послужили на пользу Его Величеству. Но, вместе с тем, я не могу вот просто так выдать своих приятелей. У меня есть обязательства и коммерческие интересы.

– Вы – подданный нашей короны? – спросил на этот раз Роджер.

– Я... формально да... Поэтому и думаю, что эти технологии могут принести Британии огромную пользу. Я имею в виду пользу и для колоний – представьте только, как быстро можно будет перевозить пассажиров и грузы – и для военных дел. Сегодня мы добираемся до Австралии за месяц, до Индии – за двадцать дней, через океан в Канаду за десять. Все это можно радикально сократить.

– Так в чем проблема?

– Я обсуждал эту проблему с господином Виксом. Чтобы ввести вас в круг нужных людей, нам нужны некоторые финансовые вливания. Тогда группа инженеров будет видеть в партнерах надежную опору, можно будет и наладить сотрудничество с британскими инженерами...

– Какая-та конспиративная группа... По крайней мере, звучит именно так, – сказал несколько недовольно Роджер.

– Дело, конечно, за вами. Я господину Виксу сказал по максимуму.

Викс отвел Роджера и Реймонда в сторону и негромким

голосом начал:

– Мы живем в период становления воздушного флота, я бы сказал. Как гражданского, так и в перспективе военного.

Он вытащил пару бумаг с эскизами больших летательных аппаратов и продолжил:

– Выглядит несколько фантастически. Но за этим будущее. Когда Берлиот достигнет берегов Британии, мы должны будем задуматься, как защитить наш остров. Раньше его защищала география. Теперь, по крайней мере, через пару лет – география отойдет на второй план перед лицом прогресса. Достаточно взглянуть на вот эту выставку вокруг нас. Мир меняется на наших глазах. Надо смотреть вперед. Я считаю, что мы должны контролировать абсолютно все в этом направлении. От идей полусумасшедшего Кристофера Лойда до подозрительного Марка Хадсона... А теперь конкретно... ему нужны деньги и имена наших самых передовых инженеров. Нам нужно это предоставить.

– Вам надо сообщить руководству вашего министерства, – сказал Роджер.

– А вы сообщите через посольство. Так вернее... не потонет в кабинетах нашей бюрократии.

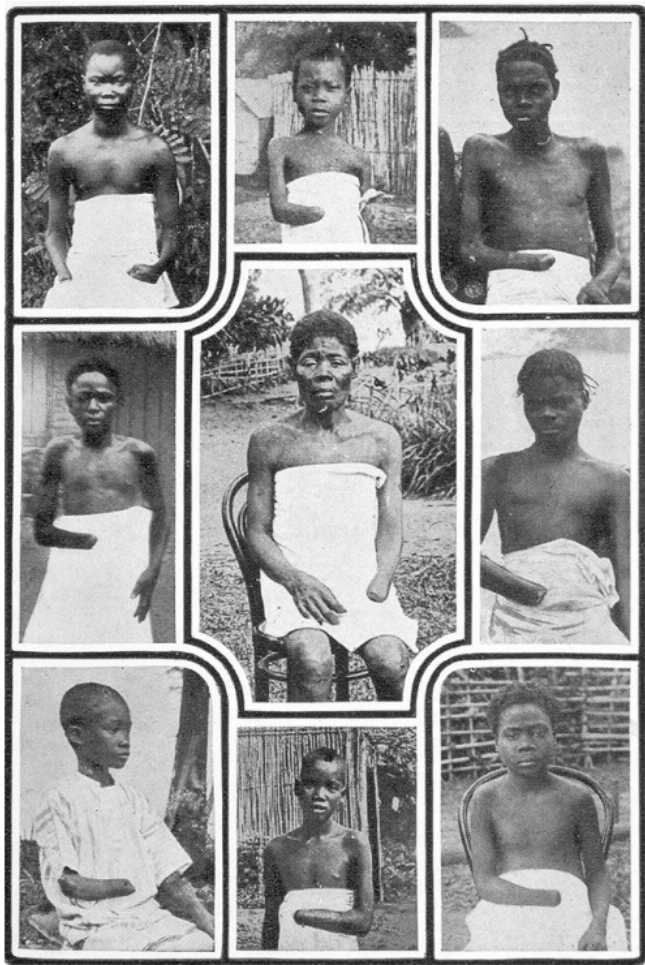
* * *

Роджер вошел в свой кабинет в Британском посольстве в Париже. На столе лежала пара телеграмм и официальные

депеш из Лондона с поручениями посла Френсиза Берти. Это был опытный дипломат аристократического происхождения, окончивший школу в Итоне. Он был одним из ключевых фигур в создании Антанты. Роджер всегда как-то чувствовал, что фигура Берти его давила, несмотря на то, что посол питал самые теплые чувства к Роджеру. Роджер был мечтатель. Лишившись рано родителей и, несмотря на то, что он вырос в великолепных условиях в семье своего дяди, он был чувствителен к потерям и лишениям людей. Он думал о судьбе сирот, которые остались без должного попечения, в отличие от него. Мечтатель и книгоед, он, конечно, находился под впечатлениями произведений Диккенса.

Его душа иногда разрывалась между чувством долга перед Британской империей и его либеральными идеями. Когда к власти пришло правительство либералов во главе с Генри Кемпбелл-Баннерманом, Роджеру стало немного легче. Он был горячий сторонник либеральных реформ, в том числе, так называемого народного бюджета, предусматривающего всеобщую пенсию и различные социальные выплаты. Для дипломата всегда трудно выбирать между различными течениями и идеологиями во внутренней политике страны. И, даже сделав выбор, надо уметь спрятать собственные предпочтения внутри себя. В конце концов, кто бы ни управлял страной, дипломат должен неукоснительно соблюдать инструкции из центра, а по некоторым вопросам внешняя политика есть продолжение внутренней.

Роджер все больше задумывался о роли своей грандиозной империи в международных делах. Британия управляла многочисленными колониями с различным населением, и это было в порядке вещей. С некоторых пор он стал задумываться о судьбе многих народов в Африке и Азии. И когда месяц назад к нему попало письмо от тезки Роджера Кейсмана, приятеля его кузена Реймонда из Министерства по делам колоний, о некоем исследовании про Конго, управляемым королем Бельгии Леопольдом, он с интересом прочел его... и ужаснулся. В нем речь шла о жестокой эксплуатации и массовых убийствах африканского населения Конго. Больше всего его потрясли фотографии африканцев с отрезанными руками – это было наказание со стороны бельгийских владельцев каучуковой плантации за нарушение дисциплины или неэффективную работу. Надо сказать, британское правительство, будучи само владельцем многочисленных колоний, отнеслось к информации от Кейсмана очень внимательно и помогло раскрутить в прессе скандал. Британия и ряд других союзных государств потребовали пересмотреть статус Конго, и вот сейчас в Бельгии обсуждался вопрос о передаче Конго из личного владения короля правительству страны – кстати, у власти в Бельгии тоже находились либералы во главе с Социалистической партией.

Роджер из Парижа помогал, как мог, в выявлении фактов

массовых нарушений и жестокостей в отношении прав населения Конго, и пересылал информацию Кейсмену, полученную от журналистов, путешественников и прочих исследователей. И при этом он не переставал задумываться над словами своего соотечественника Редьярда Киплинга о «ноше белого человека». Эта ноша для местного колониального населения зачастую значила еще большую обузу и лишения. Британия сама находилась под давлением либеральной прессы из-за своей недавней войны в Южной Африке и притеснении бурского, то есть голландского населения региона.

Роджер прочел внимательно письмо – Кейсмен просил его пойти на собрание кружка «Защитников Африки», которое должно было состояться вечером в Париже. В письме указывалось, что данный кружок создан как международный, и первым председателем должен быть избран Герхард Шульц из Германии. Роджер предложил пойти своему кузену Реймонду вместе, но у того планы были другие – прогуляться по ночному Парижу, пойти в кабаре – то есть вкусить развлечений, которыми славился город огней.

Роджер раздумывал – стоит ли сказать послу Френсизу Берти про просьбу Кейсмена. У Великобритании были свои причины радоваться разоблачению жестокостей бельгийского короля. Как страна, которая хотела стать тоже колониальной державой, Бельгия не могла вызывать положительных эмоций в качестве конкурента. В 1884—1885 годах на Берлинской конференции европейские страны – Бри-

тания, Франция, Германия, Испания, Португалия, Бельгия, Италия – достигли договоренности, несмотря на ожесточенное сопротивление Германии, о так называемом принципе «эффективной оккупации», что привело к делению Африки на колониальные зоны. Однако до конца он не устранила соперничества между империями.

В конце концов, как дисциплинированный чиновник, Роджер доложил своему начальству о намерении посетить кружок.

Посол задумался, покачал головой и сказал:

– Кейсмен, как я слышал, написал кучу депеш и докладов – его рвение в деле прав негров похвально, конечно. Британия одна из первых запретила работорговлю. Но я не уверен, куда занесут нас все эти движения в пользу туземного населения. Вот даже ваш любимец, философ Джон Стюарт Милль писал, что зрелые народы, как мы, должны патронировать отсталых точно так же, как родители имеют контроль над детьми.

– Он писал про либерализм...

– Что-то в этом роде... – перебил его посол. – Ну, идите. Было бы полезно узнать, чем этот кружок дышит. Но нам не стоит быть там активными. Ваша задача – собрать информацию... Будьте внимательны, Роджер.

Роджер на эти слова внутри себя отреагировал негативно. Все эти высшие чины всегда видят во всех либеральных делах происки врагов. Вслух Роджер поблагодарил посла и по-

обещал собрать, как можно больше информации о членах кружка.

Роджеру нравилась дипломатическая работа в плане возможности общения с широким кругом людей. А Париж, несомненно, был тем местом, где можно было встретить кого угодно – людей на любой вкус. Кроме того, живое общение ему было по душе – возможно, поэтому он не пошел в науку, хотя обожал книги. Что-то было более впечатляющее от человеческих контактов, знакомств и рапортов именно в результате общения – будь то просто беседы или серьезные переговоры о важных межгосударственных делах.

Заседание кружка «Защитников Африки» проходило в одном из небольших комнат частного клуба, нанятого на деньги почти уже избранного председателя Герхарда Шульца из Германии. Он представился профессором университета из Лейпцига и был одним из движущих сил кружка, состоящего из активистов и интеллектуалов. Народу было достаточно много, и Герхард Шульц пытался навести порядок и предоставить слово всем, кто хотел выступить.

Внимание Роджера привлекла белокурая молодая девушка в очках, сидящая неподалеку от него. Трудно даже было сказать, чем она его привлекла. Таких молодых симпатичных девушек в Париже было много. Разве что он не ожидал здесь встретить много женщин – а их было немало.

Тон выступающих был достаточно радикальным – ораторы клеймили колониальную практику, как позорное яв-

ление европейской цивилизации. Все эти глупые попытки оправдать присутствие европейских колонизаторов в Африке и Азии в качестве «la mission civilisatrice»⁴ должны быть осуждены и отвергнуты. После первых ораторов слово взяла женщина из Британии и прямо заявила:

– Белый мужчина – хищник и поработитель! Он хочет быть хозяином миллионов людей в отдаленных уголках земли точно так же, как он хочет командовать женщиной дома. Мы в двадцатом веке уже несколько лет и не имеем права голоса!

Шульц попытался вступить в разговор и остановить дебаты, которые грозились открыть совсем другую тему:

– Я вас попрошу придерживаться темы обсуждения. Вопрос о суфражизме очень важный, но, боюсь, что мы будем вовлечены в совсем другие...

– Вот так всегда! Мужчина закрывает этот вопрос!

– Мадам Пратт, я вас прошу... у нас... другая, тоже важная тема!

Госпожа Пратт проворчала что-то в нос и продолжила:

– Мне просто противно слышать одно имя Киплинга!

Услышав имя известного британца, Роджер превратился вслух.

– Все умиляются этим его Маугли. Его «ноша белого человека» – ничего более унижительного нет для миллионов страдающих поработенных коренных жителей. И как вам

⁴ Цивилизаторская миссия (французский)

нравится наш британский министр по иностранным делам, который, посетив буддийский храм в Бирме, начал цитировать еще один перл Киплинга – «Дорога в Мандалай»? И заканчивал цитирование про британский поцелуй местной женщине... Это вот все то же сексуальное и мужское порабощение!

– Мадам Пратт! По теме прошу, – вступился Шульц.

Тут Роджер заметил, что его прекрасная незнакомка улыбнулась. Эта была самая красивая улыбка, которую он видел.

После того, как госпожа Пратт закончила выступление, из последних рядов потянулась рука:

– Нейл Фергюссон, профессор из Оксфорда, – представился он присутствующим. – Если позволите мне, давайте перенесемся на сто лет ранее...

– Зачем? – агрессивно спросила мадам Пратт.

– Ради предмета сегодняшнего обсуждения, – спокойно ответил Нейл Фергюссон. – Я хочу, чтобы мы перенеслись в то время, когда не было, как здесь некоторые выразились, британского сапога в Африке и Азии. Люди жили счастливо и блаженно... не будучи предметом эксплуатации белого человека.

Профессор слегка усмехнулся и продолжил:

– Я думаю, что такая интеллектуальная публика не может предположить, что жизнь в отдаленных и диких уголках нашей земли была счастливой. Я даже не буду касаться вопро-

са религии – а именно, того, что многие народы пребывали в состоянии паганизма. В нашу эпоху борьбы за секуляризм – это тут во Франции как раз-таки ощущается – о религии становится все труднее говорить... Так вот, люди были предметом еще более жестокой эксплуатации. И, несмотря на прозвучавший критицизм в отношении «ноши белого человека», я берусь утверждать, что мы – европейцы, и, в частности, британцы, принесли многим народам прогресс и избавление от феодальных порядков. Не везде мы достигли успеха. В Индии наличие кастовой системы имеет печальные результаты, и даже наше присутствие не очень помогает... В конце концов, посмотрите вокруг! Париж, Лондон – наша медицина, транспорт, культура – и вы хотите сказать, что этот прогресс ничего не значит, и что дикие туземцы в Африке не получают никаких дивидендов?..

Уже после этих фраз публике стало ясно, куда клонит профессор Фергюссон, и началось недовольное роптание.

– Конечно, я не могу оправдать то насилие, которое было совершено со стороны Леопольда Второго в Свободном Конго... с такой жестокостью надо бороться. И я тут буду в первых рядах с вами...

– Нам такой активист не нужен, – заявил сидящий в первых рядах высокий блондин, судя по акценту, немец.

Шульц тоже был недоволен, но Фергюссон настаивал на праве ответа. Однако больше и громче всех возмущающаяся госпожа Пратт и еще ряд женщин заставили замолчать

британца, который, в конечном счете, вынужден был покинуть заседание.

После выступления пары ораторов, Шульц призвал принять конкретную программу действий. Главным предметом обсуждения стал Леопольд Второй и положение в так называемом Свободном Государстве Конго. Выступающий миссионер из Бельгии показал фотографии местного населения с отрезанными кистями рук. Миссионер далее утверждал, что в результате жестокой эксплуатации, болезней и убийств, население Конго сократилось на 13 миллионов.

Решено было собранные материалы о жестокостях в так называемом Свободном Государстве Конго предать широкой огласке. На заседании присутствовал ряд журналистов, в том числе, из Британского журнала «Punch», и они все с готовностью согласились способствовать этому.

Когда заседание было объявлено формально оконченным, белокурая девушка, которая привлекла внимание Роджера, стало собирать подписи для петиции. Когда она подошла к Роджеру, он робко спросил:

- Вы из Бельгии?
- Нет, из Германии. А вы?
- Я из Британии... Роджер Кларк.
- Очень приятно. Меня зовут Гертруда Шмидт.
- Вы помогаете бельгийцам, как понимаю. А могу спросить, что вы здесь делаете в Париже? Приехали на заседание кружка?

– Я учусь в Сорбонне.

– Ах вы – студентка?! Очень... интересно...

– А вы чем занимаетесь?

– Я... – Роджер несколько секунд обдумывал, стоит ли говорить про место работы. – Я... работаю в Британском посольстве...

Гертруда удивленно подняла брови, и Роджер поспешил сказать:

– Я здесь по просьбе моего хорошего друга Роджера Кейсмана.

– Вот как! Я им просто восхищаюсь! Хотела бы с ним познакомиться...

Роджер не знал, как продолжить разговор, и выпалил:

– Можно я вас провожу?

– Хм! А я пока никуда не собираюсь...

– Да, конечно...

Гертруда улыбнулась:

– Мне нужно собрать подписи и передать петицию вон тому джентльмену из Бельгии. Его зовут Дидье Жак и он является помощником Эмиля Вандервельде.

Роджер, конечно, слышал о Вандервельде – известном бельгийском политике-социалисте, возглавляющем Второй Интернационал.

– Вы слышали об Ассоциации по реформированию Конго? Я им помогаю...

– Я знаю, конечно. Мне, кстати, интересно, кто создал

данный кружок «Защитников Африки» здесь в Париже.

– Бедствия в Африке не заканчиваются только в Конго... Этот кружок имеет цель заняться и другими проблемами...

– Я вижу, – несколько настороженно ответил Роджер. – А вы, случайно, поближе не знаете Герхарда Шульца? Он из Германии...

– Ближко не знакома... Но можно же познакомиться прямо здесь и узнать поближе.

– Да, конечно.

Роджер не совсем понимал, почему он так замялся перед Гертрудой. Он и сам мог познакомиться с кем угодно. Ведь он же дипломат, и установление новых знакомств – это часть профессиональных навыков и обязанностей одновременно. Но после всех этих слов – полу-указов, полу-насмешек, как Роджеру показалось, он решил продемонстрировать свои способности и ринулся на Герхарда Шульца. Последний говорил с Роджером очень любезно и стал интересоваться Роджером Кейсменом. Хотел наладить более тесные связи с ним. После непродолжительного разговора, в ходе которого Роджер пытался добыть как можно больше информации о Шульце, он стал подходить и к другим участникам собрания, и, как это он умел делать, знакомился – то есть налаживал контакты.

Через полчаса к нему подошла Гертруда и несколько иронично сказала:

– Bravo, я вижу, вы решили познакомиться со всеми чле-

нами клуба...

Тут уже Роджер, взяв такой же тон, ответил:

– Да. У меня это получается. Вам же нужна петиция... я, кстати, всем про нее сказал.

– Но подписи собираю я...

– Так вот, собирайте дальше. Они все согласны. Более того, у меня есть люди, с кем мы можем продолжить дело...

– Что вы имеете в виду?

– Надо поднять шуму... много шуму... Роджер Кейсмен будет доволен. Вон тот журналист из французского «Le Matin» – Жан дю Тей. Он будет писать статью про Конго и про нашу борьбу...

– Нашу? Вы тоже борец за права африканцев? – спросила с иронией Гертруда.

– Я могу обидеться... Не забывайте, что все это дело начал мой коллега Роджер Кейсмен. Один из зачинателей.

– Вы – правы, – согласилась Гертруда и мило улыбнулась.

После мероприятия Роджер все же навязал свое общество Гертруде, и она согласилась, чтобы он ее проводил до дома. Они шли по играющему в огнях Парижу, и Роджер впервые почувствовал в этом городе дыхание романтики. Романтических вечеров у него в Париже было немного, несмотря на славу города любви. Свободное время у Роджера опять-таки в основном было связано с дипломатической работой или, в крайнем случае, с чтением. Несмотря на то, что он оставался холостым, что в те времена в его возрасте, можно

даже сказать, было неприличным и, по крайней мере, странным, флирта он не любил и мечтал встретить интересную девушку с определенными познаниями, а не просто домохозяйку.

Уже подходя до конечного пункта вечерней прогулки, Роджер обратил внимание на двух джентльменов. Его профессия требовала всегда быть внимательным – дипломатическая работа за границей, даже в дружественной стране, требовала бдительности. Он почувствовал, что двое мужчин уж как-то пристально на них глядели, а когда он присмотрелся к ним, они отвели взгляд в сторону и старались сделать вид, что непринужденно разговаривают.

– Гертруда, у вас есть поклонники?

– У меня? – удивилась она. Секунду позже она перешла на свой игривый тон и сказала: – Может, и есть.

– А я серьезно... Вы только не оглядывайтесь. Вон там стоят два джентльмена...

– Господи! Скрытых поклонников у меня точно нет. А кому я могу быть интересна?

– Ну, давайте я провожу вас до двери квартиры.

– Не думаю, что моя хозяйка будет в восторге! Она вообще считает, что приличная девушка не должна учиться, тем более, вдали от дома, за границей. Она все спрашивает меня – зачем девушке из Германии учиться в Париже?

– Тем не менее, она сдала вам комнату...

– Я думаю, что я убедила ее в своей серьезности и... при-

личии.

— Я постою здесь еще минут пять, а вы поднимитесь в свою комнату одна.

— Смотрите... кажется, эти двое мужчин уходят.

Теперь Роджер был просто уверен, что они за ними следили.

— Они за нами следили. И это, должно быть, как-то связано с сегодняшним заседанием.

* * *

Пока Роджер был вовлечен в благородное дело по спасению жизни коренного населения Африки, его кузен Реймонд целенаправленно двигался по улицам Парижа в сторону «Мулен Ружа». Сегодня вечером там будет выступать звезда кабаре Тейра Патрик — красавица из Сиама, отцом которой являлся британский офицер. Когда ей было восемнадцать лет, она перебралась в Лондон и устроилась работать секретаршей в один из городских банков, но это работа ей быстро наскучила. Ее заметил один из хореографов кабаре-танцев и пригласил на работу в небольшой второразрядный столичный клуб. Ее восточная красота привлекла внимание мира эротики, и она за несколько лет стала звездой, перебравшись в кабаре высшего класса. Так что было вполне естественным, что на ее выступлении было столпотворение. Реймонд познакомился с ней случайно в одном из париж-

ских отелей и стал одаривать ее дорогими подарками, с малой надеждой привлечь ее внимание. Но после третьего подарка она неожиданно ответила ему... и теперь Реймонд, при каждом визите в Париж, навещался к ней.

В воздухе «Мулен Ружа» витало мужское ожидание и напряжение, и первые полчаса, пока публику разогревали легкими танцами, Реймонд немного даже заскучал. Когда раздалась торжественная музыка и красный занавес раздвинулся, представляя Тейру Патрик, все затихло. Она была в ланжери от «Виктории Секрет», которая прикрывала интимные места ровно настолько, чтобы мужское воображение работало на полную мощь. Реймонд был весь во внимании, его восхищению не было предела – изящество ее движений, эротичность танца и тела возбуждали каждую клеточку британца. Он был просто бессилен над своей плотью. Да и стоило ли себя обуздывать? А не родился ли человек для удовольствий? Реймонд был далек от протестантского пуританизма и обожал Париж за этот праздник жизни.

Тейре нравилось властвовать над публикой – она знала, что и после танца она еще долгие часы будет в умах мужских посетителей. Она то и дело останавливала взгляд на отдельном мужчине и слегка подмигивала ему. В отличие от других звезд кабаре, которые обычно танцуют для всех и никого, устремляя взгляд куда-то вглубь зала, Тейра имел свой неповторимый стиль.

После выступления она позволяла паре мужчин в присут-

ствии телохранителей зайти к ней в примерку. Но Реймонд был в списке особых – ему было позволено заходить каждый раз, и при этом они оставались наедине. И в этот раз Тейра указала телохранителю покинуть комнату.

– Ты – божественна! – воскликнул Реймонд и присел на одно колено, протягивая ей ожерелье из жемчугов.

– Как мило, – ответила Тейра своим томным голосом, несколько уставшим и таким возбуждающим, будто она только что встала из постели. Она протянула Реймонду руку для поцелуя.

– У тебя будет время, надеюсь, для меня, – целуя руку сказал Реймонд.

– Ох, не знаю... Но я прямо вижу, что ты сейчас взорвешься...

– И прямо взорвусь! Тейра, я знаю, что ты начинаешь играть со мной. Я завтра уезжаю обратно в Лондон...

– Без игры наша жизнь не интересна... Видишь ли, меня этой ночью пригласила на встречу одна почти что королевская особа... Не ревнуй! Сам понимаешь...

– Неужели у нас в этот раз ничего не получится?

Тейра сняла корсет и продолжала что-то болтать. Реймонд уже ничего не слышал. Эти груди он мог наблюдать в кабаре, но здесь в примерке они были так близки. И вдруг его слух поймал:

– А что, если я завтра с тобой поеду в Лондон? Давно я там не была... Навещу отца...

Реймонд глотнул слюну, накопившуюся за пару минут наблюдения голой груди Тейры, и сказал:

– Отлично! Просто отлично...

В дверь стучали...

– Ну, это поклонники... Надо мне еще пару впустить, кто давно здесь не был.

После того, как последний посетитель покинул гримерку, Тейра бросилась на диван и закурила.

– Ну, как я его? Поджарила... он готов. В Лондоне можно будет подавать с рыбой и чипсами... Ха-ха-ха!

Тут из глубины комнаты появилась тень человека.

– Молодец, Тейра... Ты – богиня! Они все у тебя в руках... Ты можешь создать свой театр марионеток...

Тейра, довольная, засмеялась:

– Я хочу свое кабаре... Ты обещал...

– Скоро будет.

А, тем временем, ничего не добившийся Реймонд решил утихомирить свои страсти в известном в Париже борделе «Ле Шабанэ», основанным «мадам» Келли из Ирландии. Это известное заведение посещали многие именитые аристократы, магнаты, художники и писатели. Реймонд впервые посетил заведение в составе британской дипломатической делегации, которую французская сторона пригласила в «Ле Шабанэ» для ознакомления с декором, который был сделан различными художниками и дизайнерами, такими, как Тулуз-Лотрек. Каждый салон и комнаты были отделаны под

определенный стиль – японский, мавританский, испанский и так далее. Что происходило после официального ознакомления – это уже было делом частным. Посещал частенько заведение и его королевское высочество Эдуард VII, еще будучи принцем, для тучного тела которого было сделано специальное кресло, облегчающее любовные утехы.

Перед входом в заведение к Реймонду подошел молодой мужчина и предложил купить фотографии девушек нью-йоркского шоу «Ziegfeld Follies» – вполне приличные, со сценической одеждой. Продавец шепнул, что у него есть кое-что покруче, но Реймонда сейчас интересовали только живые

картинки. Он вошел, учтиво поздоровался с главной «мадам» вечера, и после этого расположился в роскошном кресле с обшивкой из позолоты. В салоне сидело около двух десятков мужчин и женщин.

– Есть особые пожелания? – спросила главная «мадам» у Реймонда. – Вы, кажется, у нас не впервые?

– О, да! Я, правда, не навещал сюда последние полгода... Вас, мадам, я вижу, кажется впервые.

the
Ziegfeld Follies
1907-1931

– Может быть. Но я просто сразу вижу, кто здесь был, а кто новичок. Мы всегда рады англичанам, – улыбнулась мадам. – Бerti... здесь был..., – сказала мадам, намекая на визит британского короля Эдуарда VII.

– Да, я знаю, о ком, вы говорите... Ваше заведение – самое лучшее, – теперь уже улыбнулся Реймонд, делая комплимент.

– Ну, тогда может перейдем к делу?.. У нас прекрасная мадемуазель... ее зовут Марта.

– А как фамилия? – спросил Реймонд.

Не принято было спрашивать фамилию. Поэтому «мадам» удивленно подняла брови:

– А зачем вам фамилия?

– Просто, – пожал плечами Реймонд. – Я здесь был с одной Мартой...

– Она вам не понравилась?

– Да нет... Просто...

– Ладно, скажу... Марта Бетенфельд. Вон эта прелесть!

– Ну что же, – Реймонд глянул на Марту, которая встала из соседнего кресла и села рядом, и остался доволен.

Когда Реймонд уединился с Мартой в комнате, к нему пришла банальная мысль, что и вправду говорят, что запретный плод сладок. Что-то было вызывающее и привлекательное в этом продажном сексе. Неужели секс с любимой женщиной уступает вот этой проститутке? Реймонд смотрел, как

Марта снимает свои черные чулки, делая это медленно и соблазнительно поглядывая на него. Животный инстинкт преодолевает моральные установки, подумал Реймонд, но потом решил, что сейчас он не будет заморачивать голову всяким неуместными философскими размышлениями.

Когда Реймонд утихомирился, Марта спросила его:

– Как часто приезжаете в Париж?

– Часто... по делам и ради... тела, – усмехнулся Реймонд. – Лондон, конечно, город красивый, но, увы, с нашей чопорностью у нас никогда не будет тех развлечений, что есть в Париже.

– Да... Я тоже сюда приехала в погоне за мечтой...

– Какой?

– Не имеет значения... теперь...

– Мечтать надо всегда... у тебя впереди будущее... ты – молода.

– У меня есть мечта – летать!

– Гм... Интересно... Я сегодня был на выставке летательных аппаратов.

– Да-да! Я тоже там была... Изумительно!

Они еще минут пять-десять поговорили на всякие темы, пока Реймонду не захотелось еще плотских развлечений.

Утром Реймонд завтракал с Роджером и признался, что ходил в бордель.

– Это же так отвратительно! – поморщился Роджер. – Как вообще можно получить удовольствие, зная, что тебе достав-

ляют это за деньги?!

– Ну, брат, некоторые жены делают это тоже за деньги... Они выходят замуж по расчету.

– Да... Ну, все равно, я этого не понимаю. Это же так механически...

Реймонд поразмышлял несколько минут и потом бросил:

– Мне надо что-то с собой делать... Я просто не могу себя контролировать... Мне нужен сеанс с врачом... Психоанализ...

– По-моему, вся эта истерия вокруг секса, начатая Фрейдом, служит в качестве извинения для тех, кто не против согрешить, дорогой мой брат.

– Грех? Ты же у нас не религиозный...

– Есть все же понятия добра и зла... В конце концов, есть и правовая сторона этого дела. Ты – женатый человек и совершаешь обман, прелюбодеяние...

– Даже у нашего короля была Ля Баруччи, – ответил Реймонд, имея в виду известную куртизанку итальянского происхождения, которая была пассией молодого короля Эдуарда. – Да и сейчас он посещает Париж не только для королевских бесед.

– Что позволено Юпитеру, не позволено быку. Не забывай и о медицинской стороне этого дела – как бы ты не залетел на всякой заразе.

– Я посещаю заведения высокого класса. Но речь не об этом. Я прихожу к мысли, что себя надо обуздать.

Но как? Может, поехать в Вену... к Фрейду или где там еще есть его ученики? В Швейцарию? А здесь? Он же здесь учился. Ты, наверно, никого не знаешь?

Роджер на этот раз взглянул на кузена жалостливо.

– Я могу расспросить. Ты же все равно в этот раз не успеешь. В следующий раз может кто-то и найдется.

Реймонд молча кивнул. Сеанс с врачом, очевидно, будет где-то там, в будущем, а сегодня он поедет вместе с Тейрой Патрик в Лондон. Вместе!

Вена

Лев Бронштейн, более известный миру под фамилией Троцкий, сидел в доме своего приятеля и ученика Матвея Ивановича Скобелева, сына богатого мельника из Баку – центра нефтяной индустрии на юге Российской империи. Троцкий недавно поселился в Вене, столице Австро-Венгерской империи, которая для русского революционера была менее удачной альтернативой Германии, куда его не пустили.

– Если революция случится, то она будет в Германии. Здесь, боюсь, нам особенно делать нечего, – говорил Лев Троцкий своему собеседнику.

– Как сказать... Не уверен. Я думаю, несмотря на попытки императора Франца Иосифа реформировать империю, результатом которых стали определенные поблажки и развитие либерализма в Вене, в целом, империя содержит в себе большое количество недовольных – сербы, чехи, венгры...

Мультиэтничность играет на руку революции.

– Вена – относительно свободный город. В этом-то и заключается проблема. Может, Франц Иосиф, который уже управляет страной полстолетия, и надоел определенной части населения, но все эти свободы подтачивают силы революции. Австрийская социал-демократия, как мне кажется, и не совсем хочет радикальных перемен. Для нас конституционная монархия неприемлема! Нам нужно собраться с силами...

Скобелев налил чаю своему политическому наставнику и сказал:

– Деньги соберем. Кстати, на днях ко мне должен приехать приятель из Баку. Он сын нефтепромышленника и знает моего отца. Он тоже увлекся вроде нашими идеями.

– Баку – место промышленное, и, следовательно, там имеется возможность для усиления нашей деятельности. Два года назад там все бурлило... Проблема России, однако, в крестьянстве. Оно и питает самодержавие... Истребить бы всех крестьян! Оставить только такое количество, которое необходимо для кормления города...

Троцкий сделал паузу и сказал печально:

– Революция провалилась. Дума распущена, Столыпин лютует... нам ничего не остается, как перегруппироваться здесь, в Европе.

Неожиданно открылась дверь, и появился мужчина с усами, небольшого роста, невзрачный и с оспинами на лице. Он

пробубнил тихо приветствие и подошел к самовару налить чаю. После этого он, молча, удалился. Троцкий вопросительно посмотрел на Скобелева.

– Это кавказец Джугашвили, земляк; он сейчас вошел в ЦК большевиков и начинает, видимо, приобретать определенный вес.

– Тоже из Баку?

– Вообще-то он из Грузии, но жил в Баку. Кстати, умеет добывать деньги. Я имею в виду, он там нападал на банки, сидел... Но здесь, кажется, занимается интеллектуальной работой. Ходит в библиотеку Социалистической партии.

– Да... Хорошо. Правда, неприветливый он какой-то. Кстати, я тоже собираюсь вступить в Социалистическую партию. Надо нам укреплять связи с австрийцами. Может, все-таки они тут начнут.

Вена в начале века бурлила – и в политике, и в науке, и в искусстве. Центр вполне преуспевающей европейской империи, управляемый больше полувека одним человеком – императором Францем Иосифом, привлекал лучшие умы европейских народов. И, вместе с тем, росло недовольство немецким доминированием – народы Восточной Европы хотели независимости. Австрийский император проводил определенные реформы, чтобы улучшить ситуацию, и в год, когда в Вену приехал Троцкий, после всеобщей забастовки рабочих австрийские социал-демократы добились

принятия всеобщего избирательного права.

После провала революции в России, которая началась в 1905 и завершилась репрессиями в 1907 году, многие революционеры, кто успел, бежали за границу, в том числе, в пределы Австро-Венгерской империи. Троцкий и другие беженцы находились в стесненных, с точки зрения материального обеспечения, обстоятельствах и нуждались как в подпитке от революционеров-налетчиков из России, так и от помощи левых кругов в Европе.

После того, как Троцкий и Скобелев выпили чаю, они пошли в дом к известному марксисту Карлу Каутскому, где должна была также состояться встреча с лидером австрийских социалистов Виктором Адлером. Они стали обсуждать финансовое положение русских революционеров, да и вообще ситуацию в Европе.

– Вы можете писать для нашей газеты «Arbeiter-Zeitung», да и некоторых других. Я похлопочу, чтобы были гонорары, – уверял Троцкого Виктор Адлер. – Мы не должны удручаться провалом революции. Это всего лишь первая ласточка.

– Я и мои друзья действительно нуждаются в деньгах. Говоря о газете, мы задумываем издавать здесь в Вене «Правду». На это тоже нужны средства. Цель у нас, революционеров, одна – покончить с монархией. Но в нашем лагере разброд и шатания, – сокрушался Троцкий.

– Отход от идей Маркса – вот наша болезнь, – заключил

Каутский. – Я об этом могу говорить сколько угодно долго, но вернемся к делам финансовым. Вопрос материальный здесь в Европе решаем. У нас есть определенные средства.

– Нужны средства значительные. И здесь сборами от рабочих и кучки интеллигентов не обойдется, – вставил Скобелев. – Надо организовать группы, которые могли бы пообщаться с промышленниками, банкирами...

– Не думаю, что среди них есть много симпатизирующих марксистам, – отметил Каутский.

– Может, нам надо быть более дипломатичным? Левые идеи, а именно о демократии, конституционной монархии и т. д. привлекательны для деловых людей. В России Морозов же нас финансирует. То есть – это вопрос тактики. Договориться с капиталистами...

Каутский был не в восторге от этой идеи.

– Демократия, в смысле равенства и возможности для представительства рабочего класса – это марксистская идея, а вот союз с собственниками – это не наш путь.

– Я все же говорю о тактике... – Скобелев посмотрел на своего учителя Троцкого, но тот кивнул в его сторону, имея в виду «продолжай».

– Есть еще и насильственная экспроприация. У нас здесь, кстати, интересный революционер гостит из Кавказа – Джугашвили. У него есть опыт по нападению на банки...

– Мы действуем в рамках закона, – твердо сказал Виктор Адлер. – И, как показывает опыт, мы добились определен-

ного успеха. С нашей партией считаются. В мае мы примем участие в намечающихся выборах и имеем неплохие шансы на победу.

– Австрийская империя – это не российская, – ответил Троцкий. – Невозможно сравнивать тупую реакционную монархию у нас с тем, что есть у вас в центре Европы. Боюсь, что Россия все дальше отстает от Европы, и эта разница будет все больше ощущаться.

– Я думаю, что надежда нашего дела держится на революции тут, в Европе, в первую очередь, в Германии, – отметил Каутский. – Отсюда социализм может перекинуться в Россию. Маркс предполагал, что торжество коммунизма возможно именно в развитых странах. А далее будет эффект домино, по мере того, как будет развиваться рабочий класс в других странах.

– Я и Парвус давно ратуем за перманентную революцию, – отметил Троцкий.

– Раз вы упомянули о Парвусе... Вы в курсе, что на него от Максима Горького поступила жалоба? Дескать Парвус присвоил деньги от постановки его пьесы «На дне» в Германии. А, между прочим, часть денег предназначалось для российской социал-демократии.

Известный революционер, теоретик и журналист Александр Парвус был в приятельских отношениях с Троцким. Дело Парвуса было неприятным, и Троцкий не хотел об этом говорить и быстро перевел разговор на другую тему.

– Есть и другой, крайне тревожный аспект положения в Европе – и все может достаточно радикально измениться, – сказал Троцкий. – Союз России с Британией и Францией с одной стороны, и Австро-Венгрии с Германией – может привести к масштабной войне, которая может всколыхнуть всплеск национализма, и, как следствие, положить конец солидарности рабочих.

– Это как раз предмет будущего заседания Интернационала, который запланирован в Штутгарте.

– Деньги, средства, оружие – вот о чем надо думать, – вновь попытался Скобелев сконцентрировать внимание на материальных вопросах революционного движения.

Интеллектуальные беседы длились долго, и молодой Скобелев иногда терял терпение. Он всегда думал о каких-то конкретных шагах, которые могли придвинуть революцию ближе. Его же учитель Троцкий все чаще проводил время в интеллектуальных кругах немецких и австрийских марксистов и социалистов, а заодно занимался бумаготворческой деятельностью, а именно журналистикой, чтобы как-то свести концы с концами.

Через несколько дней домой к Скобелеву явился его школьный приятель Али Гасымбек из Баку. Отец Али был нефтепромышленник, и можно было ожидать, что его отпрыск продолжит бизнес отца. Однако, послав сына учиться в Сорбонну, он не предполагал, что там, в Париже, сын попадет под влияние левых идей. Многие молодые люди нахо-

дились под впечатлением развития Парижа, и одного сравнения с отсталостью монархического режима в России было достаточно для формирования либеральных взглядов. Али даже удалось участвовать на одном из заседаний революционеров, который проводил Владимир Ленин в Париже. Теперь он прибыл в Вену и искал вновь контактов с российскими революционерами. Скобелев обещал его свести с Троцким и другими лидерами социал-демократии.

Когда Скобелев и Али Гасымбек встретились, разговор принял неожиданный оборот.

– Появилось совершенно другое течение, которое ратует за совершенно иную тактику. Нам нужны много денег и много терпения. А еще нам нужны технологии – в наш век прогресса выиграет тот, кто имеет преимущество в науке, технике и, соответственно, в военном деле.

– Я не спору, что нам нужны технические средства. Но этими средствами должны пользоваться люди. А людей поднимать – дело нелегкое... Кто же авторы или, скажем, лидеры того, что ты называешь новым революционным делом?

– У нас есть лидер в Париже, и он встречался с Владимиром Лениным. Речь, конечно, идет о мировой революции. Но надо начинать с какой-то страны или, скажем, даже территории, желательно здесь, в Европе.

– Мысли все эти может и интересные, но нужна конкретика...

– Мне нужно встретиться с Троцким... а потом мне нуж-

ны контакты в области искусства.

Скобелев поднял вопросительно брови:

– Наш лидер верит, что в Вене зарождается новое искусство, – ответил Али. – Эти произведения через пару десятков лет будут стоить миллионы. Вряд ли мы в скором времени устроим где-нибудь революцию. В России она подавлена. Надо бороться с силами и ресурсами... Так вот, он хочет начать скупать картины и скульптуры.

– С Троцким я тебе встречу организую... А у твоего лидера есть имя? Откуда он?

– Я встретился с ним в Париже. Его зовут... Эмиль Рум. Я не совсем хорошо знаю о его происхождении – по его словам, он из моего региона. Но он говорит чисто на французском и утверждает, что вырос в Париже. Кроме того, он владеет несколькими языками, в том числе, и тюркским... То есть, я хочу сказать, что это человек обширных знаний. Он изучал физику...

– Это, опять же, по его словам?

– Ну... я не проверял... Реально то, что у него есть деньги и последователи и... нужные связи.

– Странно... есть в этом немного мистики.

– А я, кстати, увидел его в первый раз на собрании Теософского общества – кружка последователей Блаватской. Но он, уверяю тебя, имеет конкретные земные цели.

– Ах, Блаватская! Теософия уводит людей от реальности. Идея, может и хорошая, но утопичная. Это все должно

остаться в девятнадцатом веке.

Елена Блаватская, умершая в 1891 году, была основательницей известного общества спиритуалистов и оккультистов. Слава ее «теософии» распространилась от Индии до Америки. В век развития технологий Блаватская и ее последователи утверждали, что наука не может постичь таинства природы и единственным путем истинного познания является мистический. Вместе с тем, теософы ратовали за объединение всех религий и создания всемирного братства без различия расы, цвета кожи, пола, касты и вероисповедания.

– Сейчас он с ними не связан. Но теософия с лозунгом о едином братстве – вполне левая идея.

Скобелев прищурился и спросил:

– Уж не с розенкрейцерами ты и твой предводитель связаны?

Али изумился – действительно, он и Эмиль Рум оба навевались к ним. Еще одна оккультная секта, именуемая розенкрейцеры, также основывалась на эзотерических знаниях, но, в отличие от Блаватской и теософов, которые были близки к буддизму, они были последователями христианства.

– Нет, – твердо сказал Али. – Поверь мне, у нас вполне реальные цели...

– И к масонам вы не имеете отношения?

– Нет... нет. Насколько я знаю... Я не могу отвечать за всех членов нашего движения, но Эмиль никогда не гово-

рил о масонах.

– Ну, это еще ничего не значит... Знаешь, встречу я тебе с Троцким организую. Тебя я знаю с детства из Баку. Но если бы не знал, то подумал бы, ты – член какой-то секты... или еще хуже... ты работаешь на охранку.

– Боже мой! Если бы я был христианином, то перекрестился бы...

Встреча с Троцким произошла в кафе «Централь», где Лев Давыдович частенько проводил время. Венские кофейни были популярным местом для всякого рода дискуссий, начиная от политики и кончая искусством. Кофе был лишь поводом, а не причиной встреч. В отличие от Скобелева, Троцкий начал расспрашивать Али о нем лично – каким образом он пришел к идее примкнуть к революционерам и каким он видит свою роль в ней.

– У вас есть связи с социал-демократами из Баку? – спросил Троцкий. – Вы знакомы с партией «Гуммет»?

Троцкий спрашивал про политическую партию, созданную в 1904 году в Баку азербайджанскими интеллектуалами – Мамед-Эмином Расулзаде, Султаном Эфендиевым и некоторыми другими.

– Я слышал про них. Но я здесь в Европе уже пять лет...

– К идее социал-демократических и, в целом, революционных ячеек на местах, на периферии я отношусь положительно. Но вот ко всяким там национальным движениям, будь то еврейское или тюркское – отрицательно.

– Я не думал об этом, – ответил Али. – У нас есть идея об организации восстания на одной из периферий, но здесь речь не об узко-этническом движении... У нас другая идея.

Али достал из папки книгу под названием «Ангелы революции» английского автора Джорджа Гриффита.

– Вы знакомы с этой книгой?

Троцкий взглянул на обложку и сказал:

– У меня нет времени на художественную литературу.

– В этом романе речь идет о гениальном российском инженере-еврее...

– Еврейская тема меня не интересует, – перебил собеседника Троцкий.

– Извините... я понял... я просто описываю роман. Так вот, он вместе со своей дочерью и единомышленниками учреждает «братство свободы» и с помощью созданного воздушного флота освобождает Россию от власти царя.

Троцкий несколько секунд поразмышлял и бросил:

– Занятно... Автор, очевидно, находился под впечатлением Жюль Верна и его романа про капитана Немо и его борьбы за свободу Индии при помощи подводной лодки.

– Идеи Жюль Верна в прошлом веке начали воплощаться в жизнь в этом. Подводная лодка – это уже реальность.

– Так, хорошо... У вас ко мне какой-то конкретный вопрос?

– Можно создать такой воздушный флот, как в романе «Ангелы революции», и сделать эту революцию.

Лондон

Расследование преступлений – это скрупулезная и нудная работа. В книгах все выглядит красочно, события развиваются относительно быстро, и читатель замирает перед каждым поворотом событий. В реальной жизни большинство преступлений расследуется или в течение нескольких дней или на это уходят месяцы. В Лондонском Ист-Энде преступления, как правило, раскрывались быстро – они в основном имели место в среде преступников или бедноты. Это были разборки между криминальными личностями или обычная бытовуха по пьянке или из-за денег, притом небольших.

Эдмунд Свансон был уверен, что убийство русского инженера Максима Королева не относилось ни к одной из вышеуказанных категорий. Это расследование потребует много времени и усилий – нудных опросов и интервью. Так как его шеф неохотно дал согласие на продолжение расследования, да и то после вмешательства Конан Дойла, в распоряжении у Свансона был всего один младший инспектор. Они вдвоем опросили около пяти десятков людей в доме и прилегающей округе, но ничего интересного не обнаружили. На это ушло около двух недель.

Из собранных данных можно было сделать следующий вывод: русский инженер вел замкнутый образ жизни; посетителей у него было мало и, к сожалению, описание пары гостей ничего особенно не дало. Инженер не работал и, что интересно, – как-то существовал, хоть и крайне скромно. Эд-

мунд Свансон полагал, что может Королев был связан с какими-то русскими революционерами-мигрантами. Они в Европе пользовались свободой и могли и дальше продолжать заниматься определенной деятельностью в рамках британского законодательства.

Учитывая теплые отношения между Британией и Россией, в особенности в свете возможного подписания союзнического договора, Свансон сделал запрос через посольство России, но получил сухой ответ о том, что Свансону было уже известно: Королев был членом социал-демократической партии и революционером.

Если Королев не работал, то должен был получать откуда-то деньги. Революционеры могли давать ему наличные. Но, на всякий случай, Свансон отправил запрос всем лондонским банкам на предмет выявления банковского счета. Еще неделя ушла на получение ответа – и – победа! – в «Шотландском Королевском Банке» был действительно счет на имя Максима Королева. Там была небольшая сумма, и на нее Королев мог бы снимать квартиру где-нибудь получше, хотя возможно в его положении надо было максимально экономить. Вклады были наличные, но были и два перевода от некоего Жоржа Лемера из Парижа.

После того, как Свансон получил сведения о банковском переводе, он сделал запрос французской жандармерии о получении сведений о Жорже Лемере. Далее к нему пришла мысль, что необходимо пойти на почту и попытаться найти

следы возможных почтовых переписок или телеграмм. Почтовая служба – была вправе предметом гордости британцев. Старейшая, созданная еще в шестнадцатом веке, она исправно и оперативно служила, покрыв сетью всю империю. Почта внесла весомый вклад в развитие экономики страны.

Обычно отправляя на такую черную работу младших инспекторов, на этот раз Эдмунд Свансон пошел сам в ближайший к дому Королева почтовый офис. Его принял глава офиса, который, узнав, кто такой Свансон, внутренне обрадовался – теперь он мог показать значимость своего дела. Свансон спросил, знает или помнит ли кто-нибудь из сотрудников почты русского инженера по имени Максим Королев.

Глава офиса позволил Свансону поговорить со своими сотрудниками, и выяснилось, что двое из сотрудников помнили худого унылого русского инженера по имени Королев, который минимум раз в месяц приходил в офис.

– Что он отправлял – письма, посылки, телеграммы?

– Были письма и телеграммы... Кажется, пара посылок, – сказал один из почтальонов.

– Я был бы признателен, если вы посмотрите учетные записи – мне нужны адресаты, а может, какие-то копии сохранились, например, телеграмм.

Тут глава офиса улыбнулся:

– Я надеюсь, у вас есть бумага из суда – разрешение. Опрашивать работников вы можете, а вот доступ к переписке – извините. В любом случае, копии мы не держим, но вот, конеч-

но, учетные записи о получении посылок и телеграмм есть.

«Ах!» – подумал раздосадованный Свансон. Ему это непростительно, он же должен был взять разрешение на приобретение данных о личной переписке Королева.

Глава офиса сделался еще важнее и сказал:

– Хотел напомнить, что Британия является членом международной конвенции о телеграмме, а о защите переписки...

– Да-да... конечно, – перебил Свансон. – Разрешение будет, – и про себя подумал: «Знаем, что ты важный господин», но вслух произнес: – Горжусь службой почты его величества!

– Законы они и есть законы. Не я их придумал, и если они впитаны в дух нашего государства, то они будут жить и после нас. И я, и вы будем уверены, что никто не будет читать нашу переписку. Если у вас есть время, я могу рассказать о почтовом скандале 1844 года, когда правительство открывало почту видного деятеля итальянского освободительного движения Джузеппе Мазини, проживающего в Лондоне, и переправляла ее австрийскому послу.

Свансон, хоть и имел отрывочные знания про события 1844 года, но не был расположен слушать лекцию, а вот глава почтового офиса был явно настроен показать свои знания.

– Я, конечно, как блюститель закона, знаю об этом. Джеймс Грэхем, Эдвард Сноуден... Времени мало, а то послушал бы с удовольствием.

– Хорошо, знать об этом следует всем...

И после паузы уже более примирительным тоном:

– Мне кажется, если речь идет об убийстве, то получить вам ордер не будет трудно. Поможем чем сможем.

– Конечно, я просто даже забыл об этой формальности. Меня так завлекла идея найти хоть что-то тут, на почте.

После улаживания формальностей перед Свансоном лежали все учетные записи. Какую же информацию почерпнул Свансон о «почтовом отпечатке» Максима Королева? Русский инженер получил несколько телеграмм из Парижа, Праги и – что привлекло внимание детектива – из Острова Мен, внутренне самоуправляемой территории, находящейся в подчинении британской короны. Что могло связывать Королева с этим маленьким островком между Британией и Ирландией? Из Парижа также несколько раз пришли посылки. Сам он также отправлял несколько посылок. Не густо, но есть хотя бы за что-то зацепиться.

Самой ценной находкой была телеграмма, за которой Максим Королев так и не зашел – она пришла в день его убийства. Послание было из Парижа от того же Жоржа Лемера со следующим текстом: *«Получите скоро пакет о работах Кюри они очень ценны сконцентрируйтесь»*. Свансон подумал, что это тоже может вывести на определенный след – надо будет выяснить о каком Кюри идет речь. О лауреатах Нобелевской премии Пьере и Марии Кюри? Несомненно, русский инженер делал какую-то научную работу. И никаких документов или иных следов его деятельности в его

квартире не было – значит, их унесли!

Как всегда, на помощь расследованию пришла внимательная и любознательная старушка. На почте работала уже в солидном возрасте мадам Мэй, и она сказала, что несколько месяцев назад на почту наведывались два типа:

– Ну, вы знаете, я сразу признала у них этот характерный русский акцент. Они ведь так твердо произносят «h»... прямо как «kh». Ну, например, «ху из хи»... Так вот, вид у них был... ну как сказать... я между ними ночью не прошла бы, не оглянувшись, – мадам Мэй поправила волосы и продолжила:

– Так вот, они мне сказали, что ищут своего старого приятеля. Помню, назвали имя Максима Королева... Говорят, что приехали как туристы. А я спросила себя: «Что туристы делают в Ист-Энде?». У меня в Солсбери, откуда я родом, есть больше чего посмотреть – один собор чего стоит! А что здесь есть в Ист-Энде, да тем более в этом районе? Ну, так вот, они сказали, что вспомнили, что их приятель живет здесь, много лет не виделись. Хотели сделать сюрприз. Спрашивали про его адрес, может он здесь письма получает. Я, конечно, как того требует закон, им ничего не сказала... Что интересно, они появились здесь несколько дней позже и отправили телеграмму в Санкт-Петербург.

– Даже так! Значит, они могли здесь жить где-то!

– Верно, похоже, так и было, сэр.

Свансон повернулся к своему помощнику и сказал:

– Надо будет обойти все близлежащие гостиницы и ночлежки и расспросить – не жила ли у них мужская пара из России. Учетные записи надо проверить. Хотя они могли бы жить и под фальшивыми именами, но надо проверить, вселились ли к ним одновременно двое граждан России.

– Я слышала, как один звал другого... то ли «Рослан», то ли «Руслан»... ну, эта такое запоминающееся имя.

– Раз один звал другого так, то имя, должно быть, настоящее.

Теперь после информации, полученной из почтового отделения, у Свансона был фронт работы – гостиницы, запрос в Париж, поиски Жоржа Лемера. Одно ясно: убийство Максима Королева – это не бытовуха.

* * *

Реймонд Барроуз снял двухспальную комнату в отеле «Гросвенор» недалеко от Букингемского дворца, где провел бурную ночь с Тейрой Патрик. Устал ли он наутро? Нет, черт побери! Он был полон энергии...

Еще в Париже с вокзала он послал домой жене телеграмму, что по делам задерживается в Париже, так что он мог несколько дней провести с Тейрой. Проблематично было уладить дела на работе – но два дня он смог выцарапать у своего начальства. Теперь он лежал в постели с Тейрой и поедал поданный завтрак в постель.

– Чем ты меня удивишь? – спросила томно Тейра.

– Что? Ты не устала?

– Ах, у мужчин в мозгах все одно и то же... Я имею в виду, куда ты меня отвезешь? Что мы можем посмотреть? Одежда, машины?

Реймонд несколько минут подумал и потом сказал:

– У меня есть родственник – кузен с материнской стороны. Его зовут Дуглас Рикет... Слышала?

– Зачем я должна была слышать его имя? Чем он знаменит?

– Ты же любишь гонки, автомобили... Он – гонщик. Мы можем поехать к нему посмотреть коллекцию его машин. Он, кстати, собирается принять участие в гонке Париж-Пекин.

– О-ля-ля! Это интересно... а вот я слышала, что здесь в Лондоне есть фирма, которая занимается летательными аппаратами. Это должно быть что-то более интересное... Ты летал?

«Интересно, – подумал Реймонд. – Случайность ли это? Вторая куртизанка на моем счету, которая мечтает летать... Мода, что ли, такая пошла?» Но вслух ответил:

– Пока нет, но я недавно...

Тейра его не собиралась слушать. Она продолжала рассказывать, как восхитительно было бы летать. Притом она делала это так красноречиво, что Реймонд удивился ее фантазии. Тейра говорила о покорении морей и океанов, отда-

ленных уголков планеты, о скоростном передвижении между Сиамом, откуда ее мать родом, и Лондоном.

– Ты, как знаешь, я участвовала в гонках. Обожаю скорость – ведь скорость эта наш век! Весь этот прогресс вокруг нас...

– Ты из кабаре, очевидно, его видишь даже лучше, – пошутил Реймонд, хотя секундой позже пожалел об этом, поймав взгляд Тейры. – Извини, я имел в виду... я просто восхищен твоим видением...

– Ты думаешь, что я тупая... могу только вилять телом... Реймонд привстал в постели так, чтобы он мог присесть на одно колено и сказал:

– Извини, дорогая, я пошутил по-идиотски, но хотел сказать... дай мне сказать... что ты чувствуешь мир вокруг, как никто другой. Тебе выкладывают сокровенные мысли многие сильные мира сего...

– Да ладно, – махнула рукой успокоившаяся Тейра. – Я, между прочим, окончила школу и работала в больнице. У меня есть сертификат санитарки. Мало кто из девушек в наше время это смог сделать. Некоторым везет, как тебе, они родились в правильной семье с хорошими деньгами и положением, а другие должны пробивать себе путь через опасности и лишения. Так вот, те, из второй категории, иногда хотят быстрых денег. Не легких, а быстрых... И это их выбор.

– Ради бога, дорогая! Давай поговорим о машинах и лета-

тельных аппаратах. Я тебя... обожаю!

– Обожаешь? Ну, ты все равно не скажешь слово «люблю».

– Хочешь – скажу?

– Давай посмотрим на твоего кузена с его машинами.

Кузен Реймонда Дуглас Рикет был известным автогонщиком, ловеласом и любителем приключений или, как тогда называли таких людей, – авантюристом. Ему было около сорока, и он был из знатной английской семьи графства Рутланд, имел наследственный титул. Отец Рикета занимал высшие посты в викторианской Британии, служил в Индии, где удвоил свое богатство. Дуглас был третьим сыном Рикета-отца, и, в отличие от своих старших братьев, один из которых заседал в палате лордов, а другой был на высоком посту в Южной Африке, слыл славным, веселым и щедрым парнем, далеким от политики. При этом он имел хорошее чутье на перспективный бизнес, вложил деньги в телефонное дело, а также был держателем акций в ряде компаний, занимающихся торговлей в британских колониях, и какого-либо стеснения в средствах не испытывал.

В своем поместье в пригороде Лондона Западном Бромптоне он собрал большую коллекцию паровых автомобилей. Здесь же в районе он активно участвовал в продвижении проекта по созданию аттракциона «Дикий запад». Тейра была восхищена, увидев его поместье, а тот, в свою очередь, был восхищен ею.

– Откуда такая красавица? – сказал Дуглас, поцеловав руку Тейры. Последняя была одета в скромное черное платье английских леди, но на голове у нее был кричащий красный бант. Сверху несколько небрежно было накинуто пальто.

Дуглас повернулся к Реймонду:

– Семьи наши где-то отдыхают... отдыхаем и мы, – с улыбкой, но заговорщически произнес Дуглас.

– Вы собираетесь на гонки в Париж? – спросила Тейра.

– Да, это первое ралли через весь евроазиатский континент. Я буду на автомобиле DeDion-Bouton во французской команде. Теперь мы союзники надолго, – уже обращаясь к Реймонду сказал Дуглас.

– Так вы приедете в Париж? – задала еще один вопрос Тейра, улыбаясь.

– Так-так, – занервничал полусушня Реймонд. – Мне все это не нравится, Дуглас. Ты в Париже, и этот твой взгляд, Тейра.

– Успокойся, кузен. Гонки начнутся в Пекине и завершатся, мисс Патрик, в Па-ри-же. Но до этого я буду участвовать в небольшой гонке в Нанте.

Реймонд недовольно покачал головой: – Давай посмотрим твои машины.

– Давайте. Я собирал паровые машины, думал за ними будущее. А вот вышло, что нефтяное топливо и есть будущее. Автомобиль, который создал Бенц в 1886 году, теперь за-

дал моду. Двигатели делают на основе зажигания топливной смеси на бензине. Кстати, немцы создали потрясающий автомобиль «Мерседес Симплекс»! Я хочу его приобрести...

– При моем отце этого не говори, – вставил Реймонд.

– Не люблю политику... Немцы делают хорошие вещи. Бенц, Даймлер, Мейбах – у них потрясающие автомобили. Слышали о двигателе Дизеля? Французы уже используют его двигатели на субмаринах. Скоро они будут на автомобилях тоже.

– Но мы тоже делаем Роллс-ройс. А потом не сбрасывай со счета американцев – ты про Генри Форда слышал?

– Да, кстати, американцы создали первый летательный аппарат – братья Райт, – вдруг вставила Тейра.

Мужчины с восхищением посмотрели на нее. Дуглас бросил:

– Вы меня сразили, мисс Патрик. Вот кому мне вдвойне интересно будет показать мою коллекцию.

Тройка прошла в сад, откуда вела дорожка к небольшому строению с навесом, где стояли около десятка автомобилей.

– Наверно, вся эта коллекция стоит кучу денег? – спросила Тейра.

– Да, можно купить еще одно поместье. Машины дороги, так как их собирают вручную, штучно, – может, когда-нибудь они подешевеют. Чувствую, что законодателем в этом тоже будут немцы.

– Дорогой кузен, а вы, кажется, германофил?!

– У меня много филий, – улыбнулся Дуглас и посмотрел на Тейру. – Откуда эта богиня? У вас азиатские черты?

– Отец у меня англичанин. Так что, я – полукровка, и ваше аристократическое общество меня не принимает. Поэтому я уехала во Францию – все же республика.

– А вы умны, – отметил Дуглас. – Что касается меня, то я обожаю Азию. Кстати, как только узнал про идею о гонках из Пекина, я ринулся вперед. Ну вот, это мой первый автомобиль – это трицикл от DeDion. Для прогулок сойдет, но не более. А вот этот красавец произведен в этом году – Locomobile Touring. Четыре места, комфорт и скорость приличная.

В это время заморосил дождь, и тройка укрылась под навесом между рядами автомобилей. Тейра сказала:

– Так смотреть неудобно. Вы тут все понапихали. Нет никакой эстетики. На экспонаты надо смотреть с расстояния, со стороны, правильно? А это означает, что я должна промокнуть под этим чертовым дождем! А дождь – это вторая причина, из-за которой я уехала из Англии. А третья причина – это потому, что вы все, джентльмены, дергаетесь, когда я употребляю слово «чертовый», «понапихали» или что-то в этом роде.

– А мне... по барабану, какое слово вы используете, дорогая. И вы правы – смотреть надо со стороны, – сказал Дуглас. – Я сейчас скажу, чтобы принесли зонты.

– Мне надоело... и вообще, пар – день вчерашний...

Дуглас кивнул: – Вы, несомненно, умная женщина... мадемуазель. Так чем я вас могу удивить?

– Летательными аппаратами, – твердо сказала Тейра. – Реймонд говорил, что это ваше новое увлечение.

– Восхищен! Так вот откуда вы знаете братьев Райт. Совершенно верно – и мы сейчас поедем в другое место. Реймонд, у тебя есть контакты в Военном министерстве. Мы их используем...

– Я не совсем уверен, что я могу появиться там вот так...

– Для нашего, как сказала Тейра, аристократического общества, она – со мной. Ты тут не при чем, если кто увидит. Так что расслабься и не порть нам праздник скорости и... красоты.

К ним подъехал роскошный Rolls Royce Silver Ghost и они вместе уехали. Целью их визита был большой ангар, где располагался дирижабль.

– Это то, во что я собираюсь вложить свои средства, – сказал Дуглас. – А ты, Реймонд, поможешь нам получить государственное финансирование. Эти штуки должны скоро представить интерес для Военного министерства. Да и твоего тоже...

– Очень интересно, – покачал головой Реймонд. – Еще одно совпадение. Я только что из Парижа, и там у нас были схожие обсуждения с моим приятелем из Военного министерства. Правда, я не уверен, что мы должны вести этот разговор, – и тут Реймонд взглянул на Тейру, но увидел, что

та была всецело поглощена созерцанием дирижабля.

– Дорогая, похожие дирижабли сейчас можно увидеть на выставке в Париже...

– Нет, таких там нет... – сказала Тейра и указала на два мощных пропеллера по бокам дирижабля.

– Я просто восхищен! – крикнул Дуглас. – Еще раз восхищен, черт побери! А ведь она права, Реймонд. Это новый опытный образец, с моторами... смотри, они по бокам. Это увеличивает маневренность в несколько раз. Таких нет на выставках – это опытный образец.

Реймонд несколько смутился. Дуглас повел их в офис и достал чертежи.

– Это сконструировано одним русским инженером... А вернее, он сконструировал мотор, а еще вернее, двигатель... К сожалению, я его лично не знал и связывался через посредников, но их всех и след простыл. А дирижабль сам – это работа группы изобретателей. Я им плачу кучу денег... Но, увы, нужны огромные вливания, чтобы довести дело до ума.

– И чем будет конечный продукт? – спросила Тейра.

– Это будет грандиозное летательное средство с большим потенциалом для военного применения! Воплощение идей Жюль Верна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.